

ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Парадигма социального действия относится к интерпретивным парадигмам, суть которых состоит в том, что они своими корнями уходят в так называемую герменевтическую социологическую традицию (герменевтика - учение и искусство толкования различных явлений, понимания чужой индивидуальности, включающее в себя правила, согласно которым должны строиться объяснения поведения людей).

Основоположником парадигмы социального действия явился М. Вебер (1864-1920) - немецкий социолог, создавший "понимающую социологию", в центре которой изучение социальных действий, как движущих факторов всего человеческого существования в его универсальности. Его отправной постулат состоял в том, что структура социальной реальности создается социальными действиями индивидов.

М. Вебер исходил из того, что социология в первую очередь призвана понять и интерпретировать поведение людей и раскрыть значения, которые сами люди им придают, посредством выявления связи между поставленной индивидами целью и доступными средствами ее достижения. Социолог был убежден, что по мере развития общества люди думают и действуют более рационально, поэтому все большее количество социальных действий становятся понимаемыми, предсказуемыми, что в конечном счете приводит и к проникновению в суть, "расколдовыванию" человеческого бытия.

В хрестоматии представлены три работы социолога. В первой из них - "Основные социологические понятия" - обратим внимание на то, что Вебер радикально разграничивает естественные и социальные науки. Так, если естественные науки устанавливают универсальные законы развития мира, то задача социальных наук - дать причинное объяснение и понимание социальных действий людей в их конкретных исторических контекстах, учитывая, что ценности, выражающие общие поведенческие ориентиры, всегда историчны и относительны. Тем не менее социология становится научной дисциплиной благодаря тому факту, что люди действуют рационально по крайней мере значительную часть времени. И еще - социология является наукой благодаря тому, что она должна быть свободна от оценочных суждений субъективного толка, что, разумеется, не предполагает отказа ученого от собственных пристрастий, они не должны лишь вторгаться в научные разработки. Вместе с тем социология изучает действия людей с учетом детерминации общезначимых для конкретного исторического времени ценностей - истины, справедливости, красоты и т.д.

В работе "Протестантская этика и дух капитализма" социолог настаивает на необходимости выявлять связи между целой серией социальных действий людей, чтобы понять суть тех или иных исторических событий. Связи эти, как правило, латентны, не лежат на поверхности явлений. От социолога требуются усилия, чтобы "заглянуть за" конкретные социальные действия индивидов. Так, в указанной работе "Протестантская этика и дух капитализма" Вебер показывает взаимосвязь протестантских религиозных

ценностей и развития "духа капитализма", утверждая, что в странах, где эти ценности доминировали, быстрее и легче утвердились капиталистические отношения. Но выявление корреляции между ценностными установками и характером социальных действий - лишь одна часть исследования. Другая часть исследования состояла в том, чтобы установить, как и почему протестантские Ценности, которые сами по себе, явно не были нацелены на определенные экономические результаты, скрыто, независимо от намерений способствовали развитию капитализма. По мнению социолога, основной причиной подобного рода непреднамеренных, непредвиденных последствий стало убеждение масс людей в том, что только через аккуратный и честный труд во имя приумножения славы Божьей на Земле, ведя при этом аскетический образ жизни, можно попасть в рай. Определенная религиозная доктрина исподволь формировала такое поведение, которое предопределяло высоко рациональные образцы экономического поведения. Отсюда Вебер делает вывод о том, что мотивированные определенными ценностями социальные действия, выражающиеся в своеобразном типичном поведении значительного числа членов общества, неизбежно должны были привести и привели к адекватным крупномасштабным переменам в обществе, его структурах, что и нашло выражение в конкретном облике капитализма в той или иной стране. И еще социолог показывает, что результаты идей, конкретные социальные действия, даже если они весьма рациональны, отнюдь не всегда приводят к первоначально задуманным результатам. Очень часто созданная людьми социальная реальность включает в себя непреднамеренные и непредвиденные последствия.

Знакомство с работой "Политика как призвание и профессия" позволяет уяснить суть веберовских представлений о рациональной политике, основанной на профессиональном управлении, которая противостоит идеи "самоуправления народа". Интерес представляет и видение социологом способов минимизации коррупции в сфере власти.

С.А. Кравченко

М. Вебер

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

I. Понятие социологии и "смысла" социального действия

Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

"Действием" мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. "Социальным" мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

1. Методологические основы

1. Слово "смысл" имеет здесь два значения.

Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно "правильном" или метафизически постигнутом "истинном" смысле. Этим эмпирические науки о действии - социология и история - отличаются от всех догматических наук юриспруденции, логики, этики, - которые стремятся обнаружить в своих объектах "правильный", "значимый" смысл.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, то есть доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других - может быть обнаружено только специалистами. Мистические, то есть адекватно не предаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Однако способность воспроизвести действие не есть обязательная предпосылка его понимания:

"Чтобы попятить Цезаря, не надо быть Цезарем". Полное сопереживание - важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются.

3. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стремится к "очевидности". Очевидность понимания может быть по своему характеру либо рациональной (то есть логической или математической), либо - в качестве результата сопереживания и вчувствования - эмоционально и художественно рецептивной. Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно интеллектуальному пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается и результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных эмоциональных связях. Наиболее рационально понятны, то есть здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях. Мы совершенно отчетливо понимаем, что означает, когда кто-либо в ходе своих мыслей или аргументации используют правило $2 \times 2 = 4$ или теорему Пифагора или строит цепь логических умозаключений в соответствии с "правильными", по нашим представлениям, логическими законами. Столь же понятны нам действия того, кто, отправляясь от "известных" "опытных данных" и заданной цели, приходит к однозначным (по нашему опыту) выводам в вопросе о выборе необходимых средств.

Любое истолкование подобного рационально ориентированного целенаправленного действия обладает - с точки зрения понимания использованных средств - высшей степенью очевидности. Если не с такой же полнотой, то все-таки с достаточной

ясностью, соответствующей присущей нам потребности в объяснении, мы понимаем такие "заблуждения" (в том числе смешение проблем), которые не чужды нам самим или возникновение которых мы способны посредством вчувствования сопереживать. Напротив, высочайшие "цели" и "ценности", на которые, как показывает опыт может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять не можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в сопереживании посредством вчувствования, силою воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удостоверяться чисто интеллектуальным истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность и попытаться по возможности понять мотивированное ими поведение посредством интеллектуальной интерпретации или приближенного сопереживания (с помощью вчувствования) его общей направленности. Сюда относятся многие высочайшие акты религиозности и милосердия, недоступные тому, для кого они не существуют в качестве ценностей; в равной степени как не доступен и крайний рационалистический фанатизм, например, учения о "правах человека" тем, кто полностью его отвергает. Аффекты (страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, мстительность, почтение, преданность, различные стремления) и основанные на них иррациональные (с позиции целерационального поведения) реакции мы способны эмоционально сопереживать тем интенсивнее, чем более сами им подвержены; если же они значительно превышают по своей интенсивности доступные нам переживания, мы можем понять их смысл посредством вчувствования и рационально выявить их влияние на характер поведения индивида и применяемые им средства.

Для типологического научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве "отклонений" от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения "биржевой паники" целесообразно сначала установить, каким было бы рассматриваемое поведение без влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве "помех".

Равным образом и при исследовании какой-либо политической или военной акции целесообразно установить, каким было бы поведение участников события при знании ими всех обстоятельств дела, всех намерений и при строго целерационально (в соответствии со значимым для нас опытом) ориентированном выборе средств. Лишь в этом случае возможно свести отклонения от данной конструкции к обусловившим их иррациональным факторам. Следовательно, в подобных случаях конструкция целерационального действия - вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности - служит в социологии типом ("идеальным типом"), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как "отклонение" от чисто рационально сконструированного.

Лишь в этом смысле и только по своей методологической целесообразности метод

"понимающей" социологии "рационалистичен". Его не следует, конечно, трактовать как рационалистическую предпосылку социологии; его надо рассматривать только как методический прием и ни в коем случае не делать в данном случае вывод о действительном преобладании рационального в повседневной жизни. Ведь для понимания того, в какой степени рациональные целенаправленные моменты определяют действительное поведение - или не определяют его, - все эти соображения не имеют ни малейшего значения. (Тем самым мы отнюдь не отрицаем возможность неуместного применения рационалистического истолкования. К сожалению, опыт подтверждает реальность такой опасности.)

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с "неодушевленным" или "нечеловеческим" поведением. Каждый артефакт, например "машина", может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением; без этого соотнесения назначение такого артефакта остается совершенно непонятным. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с действиями человека, который видит в нем либо "средство", либо цель и ориентирует на это свое поведение. Только в этих категориях возможно понимание такого рода объектов. Чуждыми смыслу остаются все процессы или явления (живой или мертвой природы, связанные с человеком или происходящие вне его), лишенные предполагаемого смыслового содержания, выступающие не в качестве "средства" или "цели" поведения, а являющие собой лишь его повод, стимул или помеху. Так, например, штормовой прилив, в результате которого образовался Долларт в начале XII в., имел (быть может) "историческое" значение в качестве повода к процессу переселения, оказавшего достаточно серьезное влияние на последующую историю названного региона. Процесс угасания и органический жизненный цикл вообще - от беспомощности ребенка до беспомощности старца - имеют, конечно, первостепенное социологическое значение ввиду различий в человеческом поведении, которое всегда ориентировалось и продолжает ориентироваться на это обстоятельство. Иную категорию образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы, как эйфории при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. В конечном итоге положение дел здесь такое же, как и при других недоступных пониманию явлениях. В подобных случаях и в аспекте практической деятельности, и в аспекте понимающего рассмотрения они принимаются как "данность", с которой надо считаться.

Возможно, что в будущем исследование выявит недоступное пониманию единообразие и в специфически осмысленном поведении, хотя до сих пор такие закономерности установлены не были. Так, различия в биологической наследственности (например, "расовые") - если и поскольку были бы сделаны статистически подтвержденные выводы об их влиянии на тип социологически релевантного поведения, особенно на социальное

поведение, в аспекте его смысловой соотнесенности - следовало бы принять в социологии как данность, наподобие того, как принимаются физиологические факты, такие, как потребность человека в питании или воздействие старения на его поведение. Признание каузального значения таких данных, безусловно, ни в какой мере не изменило бы задач социологии (и наук о поведении вообще), которые заключаются в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий. Социология должна была бы в этом случае только включить в определенные пункты своих допускающих интерпретированное понимание мотивационных связей факты, недоступные пониманию (например, типическую связь между повторяемостью определенной целевой рациональности с черепным индексом или цветом кожи или какими-нибудь другими наследственными характеристиками), которые отчасти принимаются во внимание и теперь (см. выше).

5. Понимание может быть:

непосредственным пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно "понимаем", например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий).

Но пониманием мы называем также:

2) объясняющее понимание. Мы "понимаем" мотивационно, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это сделал именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам смыслу данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую связь (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это - понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, "объяснить" означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие. (О каузальном значении этого объяснения см.

ниже § 6.) Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, где о "предположении" в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении).

"Понимание" во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чисто типе ("идеальном типе") некоего часто повторяющегося явления. Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и "законы". Они показывают, каким было бы определенное человеческое поведение, если бы оно носило строго целенаправленный характер, было бы свободно от заблуждений и аффектов и если бы оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономику). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа.

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную значимость и всегда остается лишь наиболее вероятной гипотезой, а) "Мотивы", которые данный индивид приводит, и те, которые он "подавляет" (то есть скрытые мотивы), часто настолько маскируют - даже в сознании самого действующего лица - подлинную связь его действий, что и субъективно искренние свидетельства имеют лишь относительную ценность. В этом случае задача социологии - выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, невзирая на то что она обычно (или большей частью) не может считаться полностью конкретно предполагаемой, осознанной индивидом. Это - пограничный случай истолкования смысла поведения, б) В основе поведения, представляющегося нам "одинаковым" или "похожим", могут лежать самые различные смысловые связи, и мы "понимаем" значительно отклоняющиеся друг от друга, подчас противоречивые типы поведения в ситуациях, которые мы считаем "однородными". (Примеры этого см. в работе Зиммеля "Проблемы философии истории"). в) Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, "понимаем". Однако в какой степени и с какой силой выражают себя в поведении человека эти различные, ведущие "мотивационную борьбу", одинаково нам понятные смысловые связи удастся, как показывает опыт, установить в большинстве случаев лишь приближенно и, уж во всяком случае, без полной уверенности в правильности наших выводов. Подлинное решение данного вопроса дает лишь результат мотивационной борьбы. Следовательно, здесь, как и в любой другой гипотезе, необходимую верификация нашего понимания смысла и его истолкования дает результат, фактический ход событий. К сожалению, такая верификация может быть с относительной точностью достигнута при проведении психологических экспериментов только в редких, специфических по своему типу случаях - с самой различной степенью приближенности (также в ограниченном числе случаев) при статистическом исчислении

однозначных массовых явлений. В остальном мы располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме одного решающего пункта - "мотива" или "импульса", исследуемого нами в его практическом значении. Это - важная задача сравнительной социологии. Часто, правда, остается только возможность применить столь ненадежное средство, как "мысленный эксперимент"; он состоит в том, что мы мысленно устраним отдельные компоненты мотивационного ряда и контролируем затем вероятный процесс развития, чтобы таким образом применить метод каузального сведения.

Например, так называемый "закон Грешема" - это рационально убедительное истолкование человеческого поведения при заданных условиях и идеально-типической предпосылке чисто целерационального поведения. В какой степени действительные действия соответствуют этому закону, показывает только (выраженный в принципе в той или иной мере статистически) подсчет, свидетельствующий о фактическом исчезновении из денежного обращения неполноценных монет; в самом деле, как правило, опыт в значительной степени подтверждает значимость "закона Грешема". В данном случае познание фактически шло таким путем: сначала был получен экспериментальный материал, затем сформулировано его истолкование. Однако без такой интерпретации фактов мы не могли бы каузально объяснить данное явление. С другой стороны, отсутствие доказательства, что мысленно установленный ((мы будем исходить из этого) характер поведения действительно в той или иной степени встречается, означало бы, что, невзирая на его теоретическую убедительность, данный "закон" - просто конструкция, не представляющая ценности для анализа конкретного поведения людей. В нашем примере соответствие адекватности по смыслу и верификации посредством опыта очевидно: достаточное количество таких случаев подтверждает значимость произведенной проверки. Что касается остроумной, убедительной гипотезы Э. Майера о каузальном значении битв при Марафоне, Саламине и Платеях для специфического развития эллинской (а следовательно, и всей западной) культуры, гипотезы, в которой он опирается на ряд симптоматических моментов (на отношение к персам эллинских оракулов и пророков), то она может быть проверена только с

помощью данных о поведении персов там, где они одержали победу (в Иерусалиме, Египте, Малой Азии), хотя и такое доказательство остается во многих отношениях несовершенным. Аргументом в пользу указанной гипотезы может служить ее серьезная рациональная убедительность. Однако в очень многих случаях, казалось бы, вполне убедительного исторического каузального сведения нет ни малейшей возможности прибегнуть даже к такой проверке, которая оказалась возможной в предыдущем примере. Тогда каузальное сведение остается чистой "гипотезой".

7. "Мотивом" называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия. "Адекватным смыслу" мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим,

правильным) смысловым единством. "Каузально адекватной" мы назовем последовательность событий, если в соответствии с опытными правилами можно предположить, что она всегда будет таковой. (Адекватным смыслу является правильное в соответствии с принятыми нормами исчисления или мышления решение задач. Каузально адекватной - в рамках статистической повторяемости - основанная на опытных правилах вероятность "правильного" или "неправильного" -соответственно упомянутым нормам - решения, следовательно, и вероятность типичной "ошибки в вычислениях" или типичного "смещения проблем"). Следовательно, каузальное объяснение означает, что в соответствии с правилом вероятности (каким-либо образом выраженным, редко - в идеальном случае квантитативно) за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) событием следует определенное другое событие (или сопутствует ему).

Правильное каузальное толкование конкретного действия означает, что соответствие внешнего хода событий его мотивам познано правильно и что они стали понятны по смыслу своего соотношения. Правильное каузальное толкование типичного действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, невзирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью. С другой стороны, даже самая

очевидная адекватность смыслу имеет для социологии значение правильного каузального определения лишь в той мере, в какой может быть доказана вероятность (любым образом выраженная) того, что рассматриваемое действие в самом деле обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае). Лишь такого рода статистические виды регулярности, которые соответствуют субъективно понятному смыслу социального действия, являются (в принятом здесь значении) типами понятного действия, то есть "социологическими закономерностями". Лишь те рациональные конструкции понятному по своему смыслу действия представляют собой социологические типы реальных процессов, которые хотя бы приближенно, можно наблюдать в реальности. Дело совсем не в том, что реальная вероятность повторяемости действия всегда прямо пропорциональна возможности выявить его адекватность смыслу. В каждом данном случае это устанавливается только экспериментальным путем. Объектом статистических исчислений могут быть как лишённые смысла, так и осмысленные процессы. (Существует статистика смертности, утомляемости, машинной производительности, выпадения осадков). Социологическая же статистика занимается исчислениями только осмысленных процессов (статистика уголовных преступлений, профессий, цен, посевной площади). Само собой разумеется, что часто встречаются случаи, объединяющие оба типа; сюда относятся, например, статистика урожая.

8. События и единообразия, которые, будучи в принятом здесь смысле непонятными, не

могут быть определены как "социологические факты" или закономерности, конечно, не становятся от этого менее важными. В том числе и для социологии в принятом здесь смысле этого слова. (Мы ограничиваемся в нашем исследовании "понимающей социологией", не собираясь никому ее навязывать, что, впрочем, и не в наших силах.) Они просто перемещаются - и это методически необходимо - в другую сферу, сферу условий, поводов, помех, благоприятных факторов и т.п.

9. "Поведение" в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц.

Для иных познавательных целей, может быть, и полезно, ниже необходимо, рассматривать, например, индивида как объединение "клеток" или совокупность биохимических реакций или полагать, что его "психическая" жизнь констатируется из ряда отдельных элементов (квалифицированных любым образом). Такой метод, бесспорно, может дать ценные познавательные данные (каузальные правила). Однако это выраженное в правилах поведение элементов мы не понимаем. Не понимаем и тогда, когда речь идет о психических элементах, причем тем в меньшей степени, чем точнее они постигнуты в их естественнонаучном значении. Для интерпретации, основанной на предполагаемом смысле, такой метод неприемлем. Между тем для социологии (в принятом здесь значении слова) и истории объектом постижения является именно смысловая связь действий. За поведением физиологических единиц, например клеток, или каких-либо психических элементов мы можем (в принципе во всяком случае) наблюдать и пытаться вывести из этого наблюдения какие-либо заключения, устанавливать правила ("законы") и с их помощью каузально объяснять, то есть подводить под правила отдельные феномены. Однако интерпретирующее понимание поведения принимает во внимание подобные факты и правила лишь в той мере (и в том смысле), как и любые другие - физические, астрономические, геологические, метеорологические, географические, ботанические, зоологические, физиологические, анатомические, субъективно не осмысленные психопатологические факты или естественнонаучные условия технических фактов.

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать социальные образования ("государство", "ассоциацию", "акционерное общество", "учреждение") совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования - просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, как как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может игнорировать коллективные мысленные образования, полученные с других позиций. Ибо толкование поведения связано с этими коллективными понятиями следующим образом:

а) Социология также часто вынуждена пользоваться подобными коллективными понятиями (нередко совершенно одинаково обозначая их), для того чтобы вообще

обрести понятную терминологию. Так, например, в юридической и повседневной речи под "государством" понимают как понятие, так и фактическое социальное поведение, для которого должны быть значимы правовые установления. Для социологии в понятие "государство" необязательно входят только релевантные в правовом отношении компоненты или именно они. И уж во всяком случае, она не занимается "действиями" коллективных субъектов. Если в социологии речь идет о "государстве" или "нации", об "акционерном обществе" или о "семье", о "воинском подразделении" и других "образованиях" такого рода, то имеется к виду только определенный тип поведения отдельных людей, конкретный или конструированный в качестве возможного. Другими словами, в юридическое понятие, которое здесь используется из-за его точности и распространенности, вводится совсем иное смысловое содержание.

б) При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования, заимствуемые социологией из повседневного, юридического (или любого другого специального по своему характеру) мышления, являют собой определенные представления в умах конкретных людей (не только судей и чиновников, но и "публики") о том, что отчасти реально существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей. В первую очередь как представления о том, что должно (или не должно) иметь значимость. Современное государство в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать; потому, следовательно, что юридически ориентированные установления сохраняют свою значимость. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Если бы в рамках чисто социологической терминологии и можно было полностью исключить (что было бы проявлением излишнего педантизма, осложняющего исследование) эти понятия - используемые в повседневной речи не только там, где они должны иметь юридическую силу, но и в применении к реальным событиям - и заменить их новыми терминами, то для данного важного явления даже это, безусловно, исключено.

в) Метод так называемой "органической" социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле "Структура и жизнь социального тела") направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от "целого" (например, "народного хозяйства", в (рамках которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как в физиологии объясняется функция "органа" тела в "системе" организма, то есть с точки зрения "сохранения" организма в целом). (Ср. знаменитое изречение в лекции одного физиолога: "§ X. Селезенка. О селезенке, господа, мы ничего не таем. Вот все о селезенке!" Конечно, этот физиолог достаточно много "знал" о селезенке - ему было известно, где она находится, известна ее величина, форма и т.п.; он не мог только определить ее "функцию" и отсутствие такой возможности он называл "незнанием"). Здесь мы не будем касаться того, в какой мере в других дисциплинах функциональный метод, рассмотрение частей некоего "целого"

считается (вынуждено) исчерпывающим; известно, что в биохимическом и биомеханическом анализе указанный метод признан недостаточным. В интерпретирующей социологии такой метод может служить следующим целям:

1. Практической наглядности и предварительной ориентации. В этой его функции он бывает чрезвычайно полезен, даже необходим; однако переоценка его познавательной ценности и излишняя его реификация может принести большой вред.
2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого важно для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только начинается. Ведь, изучая "социальные образования" (в отличие от "организмов"), мы способны выйти за пределы простого установления функциональных связей и правил ("законов") и дать то, что совершенно недоступно всем "естественным наукам" (устанавливающим для событий и образований каузальные правила, на основании которых затем "объясняются" отдельные события). Мы понимаем поведение отдельных индивидов, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы "понять" не можем, а можем только постигнуть его функционально, а затем установить правила данного процесса. Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Мы оставляем в стороне вопрос, в какой мере поведение животных может быть нам "понятным" по своему смыслу, а также обратное: в какой мере смысл наших действий "понятен" животным - то и другое очень неопределенно по своему значению и своим границам, - другими словами, мы не ставим здесь проблему, в какой мере теоретически мыслима социология, изучающая отношение человека к животным (домашним и диким). Многие животные "понимают" приказание, гнев, любовь, агрессивность и часто реагируют на них совсем не только механически и инстинктивно, но и в какой-то степени сознательно, осмысленно и ориентируясь на свой опыт. По существу, и наша способность вчувствоваться в поведение "первобытных людей" не многим больше. Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем верными средствами, либо располагаем ими в очень незначительной степени: известно, что проблемы психологии животных столь же интересны, сколь трудны. Мы таем, что в животном мире существуют сообщества - моногамные и полигамные "семьи", стада, стаи, даже "государство" с разделением функций. (Степень дифференцирования функций в сообществах животных отнюдь не параллельна степени дифференцированности органов или морфологического развития у данного вида животных. Так, дифференцированность функций у термитов, а вследствие этого и их артефакты, значительно превышает таковую у муравьев и пчел.) Само собой разумеется, что в настоящий момент очень часто решающим является чисто функциональный подход, то есть выявление главных функций в сообществах животных - добывание пищи, защита от нападения, забота о потомстве, образование новых сообществ, - функций, которые выполняют отдельные типы этих сообществ - "трутни", "матки", "рабочие", "солдаты", половые особи, самки-заменительницы и т.д.; таким

выявлением функций исследование должно удовлетвориться. Все то, что до сих пор выходило за пределы таких данных, было либо просто спекуляциями, либо исследованием степени, в какой развитие этих "социальных" свойств определялось, с одной стороны, наследственностью, с другой - средой. (Такой характер носят контрверзы между Вейсманом, в значительной степени оперирующим внеэмпирическими дедукциями в своей книге "Allmacht der Naturzuchtung", и Гетте.) Впрочем, все серьезные исследователи единодушно полагают, что применение одного функционального метода в данной области лишь временное, как они надеются, явление, вызванное необходимостью удовлетвориться доступным науке в данный момент. (Так, например, для состояния исследования термитов в работе Эмериха 1909 г.) Цель, конечно, состоит не только в том, чтобы понять достаточно легко постижимую "важность для сохранения вида" тех функций, которые выполняют упомянутые дифференцированные типы, или как объясняют эту дифференциацию те, кто отвергает наследственные признаки, и те, кто принимает данную точку зрения (а в последнем случае и характер ее толкования): мы хотим также знать: 1) какие решающие факторы определяют первичную дифференциацию типов внутри нейтрального недифференцированного вида; 2) что заставляет дифференцировавшийся вид действовать (в среднем) именно таким образом, чтобы дифференцированная группа продолжала существовать. Повсюду, где в решении перечисленных вопросов наблюдался известный прогресс, знание достигалось экспериментальным путем посредством выявления (или предположения) роли химических раздражителей или моментов физиологического процесса (факторов, связанных с питанием, с ролью насекомых-паразитов и т.д.) у отдельных индивидов. В какой мере можно надеяться на весьма проблематичную возможность того, что удастся экспериментально также наличие "психологической" и "смысловой" ориентации у животных, вряд ли может определить даже специалист.

Контролируемые данные о психике подобных социальных индивидов животного мира, допускающие "понимание" ее смысла, представляются нам даже в качестве идеальной цели доступными лишь в самых узких рамках. Совершенно очевидно, во всяком случае, что это не будет способствовать нашему "пониманию" социального поведения людей. Наоборот, в психологии животных мы пользуемся и должны пользоваться аналогиями с психикой людей. Можно, пожалуй, ожидать, что когда-нибудь такие аналогии окажутся полочными для постановки вопроса: как оценивать на ранних стадиях социальной дифференциации в человеческом обществе значение чисто механической инстинктивной дифференциации в ее отношении к субъективно понятному по своему смыслу, а затем к сознательно, преднамеренно рациональному поведению? Исследователи в области понимающей социологии должны, конечно, отчетливо представлять себе, что на ранней стадии человеческого общества - и здесь безусловно - преобладал первый компонент и что на более поздних стадиях его воздействие (причем чрезвычайно важное воздействие) также сохранилось. Всякое "традиционное" поведение (§ 2) и глубокие пласты "харизмы" в качестве зародыша психической "инфекции" и тем самым носителя "раздражителей" социологического "развития" очень близки в своих незаметных градациях подобным лишь биологически постигаемым процессам, которые недоступны отчетливо интерпретирующему пониманию (или доступны ему лишь частично) и мотивационному объяснению. Однако все это не

освобождает понимающую социологию от задачи, которая заключается в том, чтобы, сознавая тесные границы своих возможностей, она совершала то, что только ей дано совершить.

Когда Отмар Шпани в ряде своих работ (где наряду с некоторыми заблуждениями часто встречаются интересные мысли, но, к сожалению, используется аргументация на основе чисто оценочных суждений, недопустимая в эмпирическом исследовании) акцентирует значение для социологии - никем, впрочем, серьезно не оспариваемое - предварительной функциональной постановки вопроса, называя это "универсальным методом", он, безусловно, прав. Мы, конечно, должны прежде всего знать, какое поведение функционально важно с точки зрения "сохранения" (но также, и прежде всего, культурного своеобразия!) типа социального действия и его определенным образом направленного развития, чтобы затем иметь возможность поставить вопрос, как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют. Сначала надо знать, что делает "король", "чиновник", "предприниматель", "сутенер", "колдун", то есть какое действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу. (Риккертское понятие "отнесения к ценности".) Однако только посредством этого анализа социологическое понимание дает то, что оно может и должно дать в вопросе о поведении людей, дифференцированных по различным типам (и только в человеческом обществе). Что касается невероятного заблуждения, будто "индивидуалистический" метод означает (в каком бы то ни было смысле) индивидуалистическую оценку, то есть следует отвергнуть столь же решительно, как и мнение, согласно которому неизбежный (относительно) рационалистический характер образования понятий свидетельствует о вере в преобладание рациональных мотивов или, более того, о политической оценке "рационализма". Социалистическая экономика должна быть социологически исследована, то есть интерпретирована и понята, совершенно так же "индивидуалистично", то есть исходя из поведения отдельных людей, из действующих в ней типов "функционеров", как явления товарно-денежного обмена интерпретируются с помощью теории предельной полезности (или какого-либо другого "лучшего" - если таковой будет найден, - но в этом пункте аналогичного метода). Исследование основных проблем эмпирической социологии всегда начинается с вопроса: какие мотивы заставляли и заставляют отдельных "функционеров" и членов данного "сообщества" вести себя таким образом, чтобы подобное "сообщество" возникло и продолжало существовать? Любое функциональное (отправляющееся от "целого") образование понятий служит здесь лишь предварительной стадией, польза и необходимость которой не вызывают никакого сомнения, если оно проведено правильно.

10. "Законы", как обычно называют некоторые положения понимающей социологии, например, "закон Грешема", являют собой подтвержденную наблюдением типическую вероятность того, что при определенных условиях социальное поведение примет такой характер, который позволит понять его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид. Понятны и однозначны эти "законы" могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс основан на чисто целерациональных мотивах (или же

последние мотивы из соображений методической целесообразности положены в основу конструированного типа), а отношение между средством и целью эмпирически определено как однозначное (при "неизбежности" средства). В этом случае можно утверждать, что при строго целерациональном характере поведения оно должно быть именно таким, а не иным (так как преследующие определенную однозначную цель индивида могут по "техническим" причинам располагать только этими средствами). Данный случай показывает также, насколько неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было "психологию". Психологию теперь каждый понимает по-своему. Определенные методологические цели оправдывают в ряде случаев применение естественнонаучного по своему характеру деления на "физическое" и "психическое", совершенно чуждое в этом смысле наукам о поведении. Результаты психологической науки, которая исследует средствами естественных наук и естественнонаучной методики действительно только "психическое" и, следовательно, не стремится - что уж совсем другое - истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого смысла, могут, конечно, в отдельных случаях (совершенно независимо от методов психологического анализа), так же как выводы любой другой науки, иметь значение для социологии; и действительно, значимость их часто очень высока. Однако социология не находится в более близком отношении к ней, чем ко всем другим наукам. Ошибка связана с понятием "психическое": все то, что не есть "физическое", есть якобы "психическое". Но ведь смысл математической задачи, который индивид имеет в виду, не относится к области "психического". Рациональные размышления человека о том, соответствуют ли определенные действия определенным интересам по ожидаемым последствиям, и принятое в соответствии с полученным результатом решение ни в коей мере не становятся нам понятнее в результате "психологических" изысканий. Между тем именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и политическую экономию) основывает большинство своих "законов". При социологическом объяснении иррациональных моментов поведения понимающая психология в самом деле может оказать серьезную помощь. Однако такая возможность ничего не меняет в методологическом отношении.

11. Социология конструирует - мы уже многократно указывали на данное обстоятельство как на само собой разумеющуюся предпосылку - типовые понятия и устанавливает общие правила явлений и процессов. Этим она отличается от истории, которая стремится дать каузальный анализ и каузальное сведение индивидуальных, обладающих культурной значимостью действий, институтов и деятелей. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм материал в значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Социология разрабатывает свои понятия и выявляет закономерности также и под тем углом зрения, поможет ли это историческому каузальному сведению важных культурных явлений. В социологии, как и во всякой генерализующей науке, своеобразии социологических абстракций ведет к тому, что ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно) лишены полноты содержания. Вместо этого социология даст большую однозначность понятий. Такая однозначность достигается наивысшей - по возможности - смысловой адекватностью, что и является целью социологических понятий. Указанная цель может быть с наибольшей полнотой

реализована - и на этом мы преимущественно фиксировали внимание в предыдущем изложении - в рациональных (ценностно-рациональных и целерациональных) понятиях и обобщениях. Однако социология пытается выразить в теоретических, адекватных смыслу понятиях и иррациональные (мистические, пророческие, духовные, эмоциональные) явления. Во всех случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени приближения исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и тоже историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях "феодалным", в других - "партимонимальным", в третьих - "бюрократическим", в некоторых "харизматическим". Для того чтобы перечисленные слова имели однозначный смысл, социология должна в свою очередь создавать "чистые" ("идеальные") типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая смысловая адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно чистой форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума. Лишь с помощью чистого ("идеального") типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология сверх того в ряде случаев пользуется и средним типом, эмпирико-статистическим по своему характеру; это понятие не требует- особого методологического разъяснения. Однако когда в социологии говорится о "типических" случаях, всегда имеется ввиду идеальный тип, который сам по себе может быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономике, например, всегда) он рационален, но всегда, независимо от этого, конструируется адекватно смыслу.

Надо ясно отдавать себе отчет в том, что в области социологии "среднее", а следовательно, и "средние типы" можно в некоторой степени однозначно образовать только там, где речь идет о различии в степени качественно однородных, определенных по своему смыслу поведений. Это иногда встречается. В большинстве случаев, однако, исторически или социологически релевантное поведение испытывает воздействие гетерогенных мотивов, свести которые к некоему "среднему" в подлинном смысле слова совершенно не возможно. Названные идеально-типические конструкции социального поведения, создаваемые, например, экономической теорией, в том смысле "далеки от действительности", что их значение находит свое выражение в следующем вопросе: каким было бы поведение при идеальной и чисто экономически ориентированной целерациональности? Тем самым поведение, в котором какую-то роль, безусловно, играют также традиции, аффекты, заблуждения, воздействия внеэкономических целей и соображений, может быть понято, во-первых, в той мере, в какой оно в данном конкретном случае определяется также и экономически целерационально, или - если речь идет о поведении в среднем - обычно именно так и определяется; во-вторых, понимание его подлинных мотивов облегчается именно установлением отличия реального процесса от идеально-типической конструкции. Совершенно также следовало бы конструировать идеальный тип последовательного мистически обусловленного акосмического отношения к жизни (например, к политике и экономике). Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение. Конкретное каузальное сведение отдельных событий

в историческом исследовании, по существу, носит такой же характер. Так, например, объясняя, как проходила кампания 1866 г., необходимо сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целенаправленности расположили бы свои войска Молътке и Бенедикт, если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находится он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом, и здесь (латентно) используется идеально-типическая конструкция.

Конструированные социологические понятия идеально-типичны не только в применении к внешним событиям, но и к явлениям внутренней жизни людей. "Предполагаемый смысл" реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно "ощущает" этот смысл, а отнюдь не знает его, "ясно его себе не представляет"; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В реальной действительности подлинно эффективное, то есть полностью осознанное и ясное по своему смыслу, поведение - всегда лишь пограничный случай. Об этом необходимо помнить при исследовании реальности в исторической и социологической науке. Однако последнее обстоятельство не должно препятствовать образованию социологических понятий посредством классификации возможных типов "предполагаемого смысла", то есть исходя из того, что поведение действительно ориентировано на его субъективно осознанный смысл. В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения - непосредственная задача социологии.

Исследователю очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными "идеально-типическими" процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым.

М. Вебер

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА

"Дух" капитализма

В заголовке стоит несколько претенциозно звучащее понятие — дух капитализма. Что следует под этим понимать?

...Если вообще существует объект, применительно к которому данное определение может обрести какой-либо смысл, то это может быть только "исторический индивидуум", то есть комплекс связей, существующих в исторической деятельности, которые мы в понятии объединяем в одно целое под углом зрения их культурного значения.

Однако поскольку подобное историческое понятие соотносится с явлением, значимым в своей индивидуальной особенности, оно не может быть определено по принципу "genus proximum, differentia specifica", то есть вычленено; оно должно быть постепенно скомпоновано из отдельных составных частей, взятых из исторической действительности. Полное теоретическое определение нашего объекта будет поэтому дано не в начале, а в конце нашего исследования. Другими словами, лишь в ходе исследования (и это будет его наиболее важным результатом) мы придем к заключению, как наилучшим образом, то есть наиболее адекватно интересующей нас точке зрения, сформулировать то, что мы здесь понимаем под "духом" капитализма. Эта точка зрения в свою очередь (к ней мы еще вернемся) не является единственно возможной при изучении интересующих нас исторических явлений. Другие точки зрения привели бы к выявлению других "существенных" черт как данного, так и любого другого исторического явления. Из этого следует, что под "духом" капитализма можно или должно понимать отнюдь не только то, что нам представляется наиболее существенным для нашей постановки проблемы. Это объясняется самой спецификой "образования исторических понятий", методической задачей которого является не подведение действительности под абстрактные родовые понятия, а расчленение ее на конкретные генетические связи, всегда сохраняющие свою специфически индивидуальную окраску.

Если мы все-таки попытаемся установить объект, анализ и историческое объяснение которого составляют цель настоящего исследования, то речь будет идти не об его понятийной дефиниции, а (на данной стадии во всяком случае) лишь о предварительном пояснении того, что мы имеем в виду, говоря о "духе" капитализма. Подобное пояснение в самом деле необходимо для понимания того, что является предметом данной исследования. Для этой цели мы воспользуемся документом упомянутого "духа", документом, в котором с почти классической ясностью отражено то, что нас прежде всего интересует; вместе с тем данный документ обладает тем преимуществом, что он полностью свободен от какой бы ты ни было прямой связи с религиозными представлениями, следовательно, не содержит никаких благоприятных для нашей темы предпосылок.

Этот документ гласит: "Помни, что время — деньги, тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен — если он расходует на себя всего только шесть пенсов — учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов.

Помни, что кредит — деньги. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги, после того как я должен был вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умело пользуется им.

Помни, что деньги по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее. Пять шиллингов, пущенные в оборот, дают шесть, а если эти последние опять пустить в

оборот, будет семь шиллингов три пенса и так далее, пока не получится сто фунтов. Чем больше у тебя денег, тем больше порождают они в обороте, так что прибыль растет- все быстрее и быстрее. Тот, кто убивает супоросную свинью, уничтожает все ее потомство до тысячного ее члена. Тот, кто изводит одну монету в пять шиллингов, убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов.

Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Человек, рассчитывающийся точно к установленному сроку, всегда может занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны.

А это бывает очень выгодно. Наряду с прилежанием и умеренностью ничто так не помогает молодому человеку завоевать себе положение в обществе, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятых тобой займы денег ни на один час сверх установленного срока, чтобы гнев твоего друга не закрыл для тебя навсегда его кошелек.

Следует учитывать, что самые незначительные действия оказывают влияние на кредит. Стук твоего молотка, который твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяет в него спокойствие на целых шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдом или услышит твой голос в трактире в часы, когда ты должен быть за работой, то он на следующее же утро напомнит тебе о платеже и потребует свои деньги в тот момент, когда их у тебя не окажется.

Кроме того, аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, то есть что ты не только пунктуальный, но и честный человек, а это увеличивает твой кредит.

Остерегайся считать своей собственностью все, что ты имеешь, и жить сообразно с этим. В этот самообман впадают многие люди, имеющие кредит. Чтобы избежать этого, веди точный счет своим расходам и доходам. Если ты дашь себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий хороший результат: ты установишь, сколь ничтожные издержки вырастают в огромные суммы, и обнаружишь, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем...

За 6 фунтов годового процента ты можешь получить в пользование 100 фунтов, если только ты известен как человек умный и честный. Кто зря тратит 4 пенса в день, тот в год тратит бесплодно 6 фунтов, а это — плата за право пользования 100 фунтами. Кто ежедневно тратит часть своего времени стоимостью в 4 пенса - пусть это будет всего несколько минут, тот теряет в общей сумме дней возможность использовать 100 фунтов в течение года.

Тот, кто бесплодно растрчивает время стоимостью в 5 шиллингов, теряет 5 шиллингов и мог бы с тем же успехом бросить их в море. Тот, кто потерял 5 шиллингов, утратил не только эту сумму, но и всю прибыль, которая могла быть получена, если вложить эти деньги в дело,— что к тому времени, когда молодой человек состарится, могло бы обратиться в значительную сумму".

Так проповедует Бенджамин Франклин", и его проповедь очень близка "образу американской культуры" Фердинанда Кюрнбергера, этой брызжущей остроумием ядовитой сатире на символ веры янки. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что эти строки пропитаны именно "духом капитализма", его характерными чертами; однако это отнюдь не означает, что в них содержится все то, из чего складывается этот "дух". Если мы вдумаемся в смысл вышеприведенных строк, жизненную мудрость которых кюрнбергеровский "утомленный Америкой" герой резюмирует следующим образом: "Из скота добывают сало, из людей деньги", - то мы обнаружим своеобразный идеал этой "философии скупости". Идеал ее - кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная "этика", отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о "практической мудрости" (это было бы не ново), но о выражении некоего этоса, а именно в таком аспекте данная философия нас и интересует.

Якоб Фуггер, упрекая в "малодушии" своего товарища по делам, который удалился на покой и советовал ему последовать его примеру — он, мол, достаточно нажил, пора дать заработать другим, сказал, что "он (Фуггер) мыслит иначе и будет наживаться, пока это в его силах". В этих словах отсутствует тот "дух", которым проникнуты поучения Франклина: то, что в одном случае является преизбытком неиссякаемой предпринимательской энергии и морально индифферентной склонности, принимает в другом случае характер этически окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни. В этом специфическом смысле мы и пользуемся понятием "дух капитализма", конечно, капитализма современного. Ибо из самой постановки проблемы очевидно, что речь идет только о западноевропейском и американском капитализме. Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века. Однако ему недоставало, как мы увидим из дальнейшего, именно того своеобразного этоса, который мы обнаруживаем у Франклина.

Все нравственные правила Франклина имеют, правда, утилитарное обоснование: честность полезна, ибо она приносит кредит, так же отстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью — все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность — ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина преизбыток добродетели лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения. В самом деле, каждый, кто прочтет в автобиографии Франклина повествование о его "обращении" и вступлении на стезю добродетели или его рассуждения о пользе, которую приносит строгое соблюдение видимости скромности и сознательное умаление своих заслуг, о том всеобщем признании, которое этому сопутствует, неизбежно придет к следующему выводу: для Франклина упомянутые добродетели, как, впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они *in concrete* полезны данному человеку, и видимостью добродетели можно ограничиться во всех тех случаях, когда с ее помощью достигается тот же эффект. Таков неизбежный вывод с позиций последовательного утилитаризма. Здесь как будто схвачено *in flagrant!* именно то, что

немцы ощущают как "лицемерие" американской морали. Однако в действительности дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд. О том, что, помимо приукрашивания чисто эгоцентрических мотивов, здесь заключено нечто иное, свидетельствуют не только личные достоинства Бенджамина Франклина, проступающие в исключительной правдивости его жизнеописания, и не только тот факт, что, по его собственному признанию, он оценил "полезность" добродетели благодаря тождественному откровению, которое предназначило его к добродетельной жизни. *Summum bonum* этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к счастью или "пользе" отдельного человека. Теперь уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный перепорот в том, что мы назвали бы "естественным" порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием. Вместе с тем во франклиновском подходе содержится гамма ощущений, которая тесно соприкасается с определенными религиозными представлениями. Ибо на вопрос, почему же из людей следует "делать деньги", Бенджамин Франклин - деист без какой-либо конфессиональной направленности — в своей автобиографии отвечает библейским изречением, которое он молодости постоянно слышал от своего отца, строгого кальвиниста: "Видел ли ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять пред царями". Приобретение денег — при условии, что оно достигается законным путем, — является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию, а эта деловитость, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина. Так, она выражена и в цитированном выше отрывке, и во всех его сочинениях без исключения.

В самом деле, столь привычное для нас теперь, а по существу отнюдь не само собой разумеющееся представление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей "профессиональной" деятельности, в чем бы она ни заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве "капитала"), — это представление характерно для "социальной этики" капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение. Мы не утверждаем, что эта идея выросла только на почве капитализма, в дальнейшем мы попытаемся найти ее истоки. Еще менее мы склонны, конечно утверждать, что субъективное усвоение этих этических положений отдельными носителями капиталистического хозяйства, будь то предприниматель или рабочий современного предприятия, является сегодня необходимым условием дальнейшего существования капитализма. Современный капиталистический хозяйственный строй — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в

какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не умел или не захотел приспособиться к ним.

Таким образом, капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и созидает необходимых ему хозяйственных субъектов — предпринимателей и рабочих—посредством экономического отбора. Однако именно здесь со всей отчетливостью проступают границы применения понятия "отбор" для объяснения исторических явлений. Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма "отбор" в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являлись группы людей. Именно это возникновение и требует объяснения. Что касается наивных представлений исторического материализма о возникновении подобных "идей" в качестве "отражения" или "надстройки" экономических отношений, то на них мы подробнее остановимся в дальнейшем. Здесь достаточно указать на тот несомненный факт, что на родине Бенджамин Франклина (в Массачусетсе) "капиталистический дух" (в принятом нами понимании), безусловно, существовал до какого бы то ни было "капиталистического развития" (в Новой Англии в отличие от других областей Америки уже в 1632 г. раздаются жалобы на специфические проявления расчетливости, связанной с жадой наживы); несомненно также и то, что в соседних колониях, из которых впоследствии образовались южные штаты, капиталистический дух был несравненно менее развит, несмотря на то что именно эти колонии были основаны крупными капиталистами из деловых соображений, тогда как поселения в Новой Англии были созданы проповедниками и graduates вместе с представителями мелкой буржуазии, ремесленниками и иоменами, движимыми религиозными мотивами. В данном случае, следовательно, причинная связь обратна той, которую следовало бы постулировать с "материалистической" точки зрения. Юность подобных идей вообще значительно более терниста, чем полагают теоретики "надстройки", и развитие их не уподобляется простому цветению. "Капиталистический дух" в том смысле, как мы его определили в ходе нашего изложения, утвердился лишь путем тяжелой борьбы против целого сонма враждебных ему сил. Тот образ мыслей, который нашел свое выражение в цитированных выше строках Бенджамин Франклина и встретил сочувствие целого народа, в древности и в средние века был бы заклеен как недостойное проявление грязной скаредности; подобное отношение и в наше время свойственно всем тем социальным группам, которые наименее связаны со специфически современным капиталистическим хозяйством или наименее приспособились к нему. Данное обстоятельство объясняется отнюдь не тем, что "стремление к наживе" было неведомо докапиталистической эпохе или не было тогда достаточно развито, как часто утверждают, и не тем, что "aim sacra tames", алчность, в те времена (или в наши дни) была вне буржуазного капитализма меньшей, чем внутри собственно капиталистической сферы, как полагают склонные к иллюзиям современные романтики. Не в этом заключается различие между капиталистическим и докапиталистическим "духом".

Алчность китайских мандаринов, аристократов Древнего Рима или современных аграриев выдерживает любое сравнение. "Auri sacra fames" неаполитанского извозчика или *barcajuolo*, а также азиатского представителя сходных профессий, равно как и любовь к деньгам южно-европейского или азиатского ремесленника, несравненно более ярко выражена и прежде всего значительно более беззастенчива, в чем легко убедиться на собственном опыте, нежели, например, жадность англичанина в аналогичном положении. Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются "отсталыми" по западноевропейским масштабам. Каждому фабриканту хорошо известно, что одним из основных препятствий в ходе капиталистического развития таких стран, как, например, Италия, является недостаточная *coscienziosita* рабочих, что отличает ее от Германии. Для капитализма недисциплинированные представители *liberum arbitrium*, выступающие в сфере практической деятельности, столь же неприемлемы в качестве рабочих, как и откровенно беззастенчивые в своем поведении — это мы знаем уже из сочинений Франклина — дельцы. Следовательно, различие, о котором идет речь, заключается не в степени интенсивности какой-либо "склонности" к наживе. "Auri sacra fames" стара как мир и известна всей истории человечества. Мы увидим, однако, что отнюдь не те люди, которые полностью отдавались этой склонности, наподобие некоего голландского капитана, "готового ради прибыли заглянуть и в ад, пусть даже при этом будут спалены паруса", что не они были представителями того образа мыслей, из которого возник специфически современный "дух" капитализма как массовое явление, — а нас интересует именно это. Безудержное, свободное от каких бы то ни было норм приобретательство существовало на протяжении всего исторического развития; оно возникало повсюду, где для него складывались благоприятные условия. Подобно войне и морскому разбою, свободная торговля, не связанная какими-либо нормами по отношению к людям вне данного племени и рода, не встречала никаких препятствий. "Внешняя мораль" позволяла за пределами коллектива то, что строго порицалось в отношениях между "братьями"; подобно тому как капиталистическое предпринимательство в своих внешних чертах и в своем "авантюристическом" аспекте было известно всем тем хозяйственным системам, где существовали имущество денежного характера и возможность использовать его для получения прибыли (посредством комменды, откупа налогов, ссуды государству, финансирования войн, княжеских дворов и должностных лиц), авантюристический склад мышления, пренебрегающий этическими рамками, также был явлением повсеместным. Абсолютная и вполне сознательная бесцеремонность в погоне за наживой часто сочеталась с самой строгой верностью традициям. Ослабление традиций и более или менее глубокое проникновение свободного приобретательства и во внутреннюю сферу социальных взаимоотношений обычно влекли за собой отнюдь не этическое признание и оформление новых воззрений: их лишь терпели, рассматривая либо как этически индифферентное явление, либо как печальный, но, к сожалению, неизбежный факт. Таковы были не только оценка, которую мы обнаруживаем во всех этических учениях докапиталистической эпохи, но и — что для нас значительно важнее — точка зрения обывателя этого времени, проявлявшаяся в его повседневной практике. Мы говорим о "докапиталистической" эпохе потому, что хозяйственная деятельность не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала

посредством внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда. Упомянутое отношение к приобретательству и было одним из сильнейших внутренних препятствий, на которое повсеместно наталкивалось приспособление людей к предпосылкам упорядоченного буржуазно-капиталистического хозяйства.

Первым противником, с которым пришлось столкнуться "духу" капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в "этическом" обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом. Однако и здесь мы вынуждены отказаться от попытки дать законченную "дефиницию" этого понятия. Мы попытаемся пояснить нашу мысль (конечно, также лишь предварительно) несколькими примерами, начиная при этом снизу, с рабочих.

Одним из технических приемов, при помощи которых современный предприниматель стремится повысить интенсивность труда "своих" рабочих и получить максимум производительности, является сдельная оплата труда. Так, например, в сельском хозяйстве наивысшей интенсивности в работе требует уборка урожая, ибо от ее своевременного завершения часто особенно при неустойчивой погоде зависит величина прибыли или убытка. Поэтому здесь в определенный период почти повсеместно вводится система сдельной оплаты труда. Поскольку же рост доходов и интенсивности хозяйства, как правило, влечет за собой возрастающую заинтересованность предпринимателя, то он, повышая расценки и предоставляя тем самым рабочим возможность получить необычно высокий заработок за короткий срок, пытается заинтересовать их в увеличении производительности их труда. Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2,5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргена, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, "довольствовался". Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем "традиционализмом": человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо зарабатывать для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить "производительность" труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему

приходится иметь дело. Возвратимся к нашему примеру. Поскольку расчет на "жажду наживы" не оправдался и повышение расценок не дало ожидаемых результатов, естественно, казалось бы, прибегнуть к противоположному средству, а именно принудить рабочих производить больше, чем раньше, путем снижения заработной платы. Этот ход мыслей находил свое подтверждение (а подчас находит его и теперь) в укоренившемся наивном представлении о наличии прямой связи между низкой оплатой труда и высокой прибылью; любое повышение заработной платы ведет якобы к соответствующему уменьшению прибыли. В самом деле, капитализм с момента своего возникновения постоянно возвращался на этот путь, и в течение ряда веков считалось непреложной истиной, что низкая заработная плата "производительна", то есть повышает "производительность" труда, что, как сказал уже Питер де ля Кур (в этом пункте он мыслит совершенно в духе раннего кальвинизма), народ трудится лишь потому, что он беден, и до той поры, пока он беден.

Однако это, казалось бы, столь испытанное средство сохраняет свою эффективность лишь до известного предела. Конечно, не подлежит сомнению, что для развития капитализма необходим некоторый избыток населения, обеспечивающий наличие на рынке дешевой рабочей силы. Однако если многочисленная "резервная армия" при известных обстоятельствах и благоприятствует чисто количественной экспансии капитализма, то она тормозит его качественное развитие, в частности переход к таким формам производства, которые требуют интенсивного труда. Низкая заработная плата отнюдь не тождественна дешевому труду. Даже в чисто количественном отношении производительность труда падает во всех тех случаях, когда заработная плата не обеспечивает потребности физического существования, что в конечном итоге приводит к "отсортровке наименее пригодных". Современный силезец убирает в среднем при полном напряжении своих сил лишь немногим больше двух третей того хлеба, который в равный промежуток времени убирает лучше оплачиваемый и лучше питающийся померанец или мекленбуржец; выработка поляка — чем дальше на восток, тем сильнее — отличается от выработки немцев. И в чисто деловом отношении низкая заработная плата не может служить благоприятным фактором капиталистического развития во всех тех случаях, когда существует необходимость в квалифицированном труде, когда речь идет о дорогостоящих, требующих бережного и умелого обращения машинах, вообще о достаточной степени внимания и инициативы. Низкая заработная плата не оправдывает себя и дает обратные

результаты во всех этих случаях потому, что здесь совершенно необходимы не только развитое чувство ответственности, но и такой строй мышления, который, хотя бы во время работы, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок,— такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью, "призванием". Такое отношение к труду не является, однако, свойством человеческой природы. Не может оно возникнуть и как непосредственный результат высокой или низкой оплаты труда; подобная направленность может сложиться лишь в результате длительного процесса воспитания. В настоящее время прочно укоренившемуся капитализму сравнительно легко рекрутировать необходимую ему рабочую силу во всех индустриальных странах мира, а внутри этих стран — во всех отраслях промышленности. В прошлом, однако, это в

каждом отдельном случае было чрезвычайно серьезной проблемой. Да и поныне цель не всегда может быть достигнута без поддержки того могущественного союзника, который, как мы увидим дальше, содействовал капитализму и во времена его становления. Попытаемся и в данном случае пояснить нашу мысль конкретным примером. Черты отсталого традиционализма проявляются в наши дни особенно часто в деятельности работников, прежде всего незамужних. Почти повсеместно предприниматели, нанимающие работников, в частности работниц-немок, жалуются на полное отсутствие у них способности и желания отказаться от воспринятых некогда привычных методов, заменить их более целесообразными и практичными, приспособиться к новым формам организации труда, научиться чему-либо, сконцентрировать на чем-нибудь свои мысли или вообще мыслить. Попытки разъяснить им, как сделать работу более легкой и прежде всего более выгодной, встречают полное непонимание, а повышение расценок оказывается бесполезным, поскольку оно наталкивается на силу привычки. Совсем иначе обстоит дело (что немало важно для нашей постановки проблемы) там, где работницы получили специфически религиозное воспитание, в частности, где они вышли из пиетистских кругов. Часто приходится слышать (это подтверждают и статистические данные), что именно работницы этой категории наиболее восприимчивы к обучению новым техническим методам. Способность к концентрированному мышлению, а также приверженность идее "долга по отношению к труду" чаще всего сочетаются у них со строгой хозяйственностью, ввиду чего они принимают в расчет размер своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью, — все это необычайно повышает производительность их труда. Здесь мы находим наиболее благоприятную почву для того отношения к труду как к самоцели, как к "призванию", которое необходимо капитализму, наиболее благоприятные для преодоления рутины традиционализма условия, сложившиеся вследствие религиозного воспитания. Уже одно это наблюдение из повседневной практики современного капитализма свидетельствует о том, что вопрос о формах, которые принимала на заре капиталистического развития эта связь между умением людей приспособиться к капиталистическому производству и их религиозной направленностью, безусловно, оправдан. Ибо существование этой связи подтверждается целым рядом фактов. Так, враждебность по отношению к рабочим-методистам в XVIII в. и гонения, которым они подвергались со стороны других рабочих (о чем свидетельствуют постоянные упоминания в источниках об уничтожении инструментов, принадлежавших рабочим-методистам), объясняются отнюдь не только (и не главным образом) их религиозной эксцентричностью (такого рода эксцентричность и еще значительно большая не была в Англии редкостью); эти гонения объясняются их специфическим "трудолюбием", как мы сказали бы теперь.

Вернемся, однако, к современности и попытаемся уяснить значение "традиционализма", на этот раз на примере предпринимателей. В своем исследовании проблемы генезиса капитализма Зомбарт указывает на два "лейтмотива" экономической истории — "удовлетворение потребностей" и "прибыль", — которые характеризуют тип хозяйственной системы в зависимости от того, что определяет ее форму и направление ее деятельности, личные ли потребности или не зависящие от них стремление к наживе и возможность извлечения прибыли путем реализации продуктов. То, что Зомбарт определяет как "систему потребительского хозяйства" ("Bedarfsdeckungssystem"), на

первый взгляд совпадает с тем, что мы называем экономическим традиционализмом. Это верно в том случае, если под понятием "потребность" понимать традиционные потребности. В противном случае многие хозяйства, которые по типу своей организации являются "капиталистическими", причем в соответствии с тем определением "капитала", которое Зомбарт сам дает в другом месте своей работы, выпадают из круга "приобретательских" хозяйств и попадают в разряд "хозяйств потребительских". "Традиционалистскими" по своему характеру могут быть и такие хозяйства, из которых частные предприниматели извлекают прибыль посредством оборота капитала (в виде денег или оцененной в деньгах собственности), то есть посредством приобретения средств производства и продажи продуктов, следовательно, хозяйства, бесспорно представляющие собой "капиталистические предприятия". Подобные хозяйства не только не являются исключением для экономической истории нового времени, они постоянно вновь возникают после неизменно возобновляющихся перерывов, обусловленных все более мощным вторжением в хозяйственную сферу "капиталистического духа". Капиталистическая форма хозяйства и "дух", в котором оно ведется, находятся в отношении "адекватности", но эта адекватность не тождественна обусловленной "законом" зависимости. И если мы, несмотря на это, условно применяем здесь понятие "дух (современного) капитализма" для определения того строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии (в качестве примера были приведены высказывания Бенджамина Франклина), то мы обосновываем это тем историческим, наблюдением, что подобный строй мышления нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие в свою очередь нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу.

Однако эта форма и этот дух могут существовать раздельно. Бенджамин Франклин был преисполнен "капиталистического духа" в то время, когда его типография по своему типу ничем не отличалась от любого ремесленного предприятия. Как мы увидим из дальнейшего, носителями этого строя мышления, которое мы определили как "дух капитализма", были на заре нового времени не только и не столько капиталистические предприниматели из кругов торгового патрициата, сколько поднимающиеся средние слои ремесленников. И в XIX в. классическими представителями подобного строя мышления были не благородные джентльмены Ливерпуля и Гамбурга с их унаследованным торговым капиталом, а выскочки Манчестера и Рейнской Вестфалии, родом из весьма скромных семей. Аналогично обстояло дело уже в XVI в.: основателями возникающих тогда промышленных отраслей были преимущественно выходцы из средних слоев. Совершенно очевидно, что такие предприятия, как банки, оптовая экспортная торговля, даже сколько-нибудь значительная розничная торговля и, наконец, скупка в больших масштабах товаров домашней промышленности возможны лишь в форме предприятий капиталистических. И тем не менее эти предприятия могут быть преисполнены строго традиционалистского духа: дела крупных эмиссионных банков вообще нельзя вести иначе; заморская торговля на протяжении целых столетий опиралась на монополии и регламенты строго традиционалистского характера; в розничной торговле (мы имеем в виду не тех неимущих мелких лодырей, которые в наши дни взывают к государственной помощи) процесс революционализации еще и теперь идет полным ходом; этот переворот, который грозит уничтожением старого

традиционализма, уже разрушил систему мануфактурного производства, с которым современное надомничество обнаруживает лишь формальное сходство. Для иллюстрации того, как происходит этот процесс и каково его значение, мы вновь (хотя все это хорошо известно) остановимся на конкретном примере.

До середины прошлого века жизнь скупщика изделий домашней промышленности (во всяком случае, в некоторых отраслях текстильной промышленности континентальной Европы) протекала, по нашим понятиям, довольно спокойно. Ее можно представить себе следующим образом: крестьяне приезжали в город, где жил скупщик, со своими изделиями, которые подчас (если это были ткани) преимущественно или целиком выделывались ими из своего сырья; здесь после тщательной (в ряде случаев официальной) проверки качества изделий они получали установленную оплату. Клиентами скупщика для сбыта товара на дальнее расстояние были посредники, также приезжие, которые обычно приобретали изделия не по образцам, а руководствовались знанием привычных сортов; они брали товар либо со склада, либо же заблаговременно заказывали его; в этом случае скупщик в свою очередь заказывал требуемое у крестьян. Поездки с целью посещения клиентов либо вообще не предпринимались, либо предпринимались редко, с большими промежутками; обычно достаточно было корреспонденции или постепенно внедрявшейся рассылки товаров. Не слишком утомительный рабочий день — около 5—6 рабочих часов, — часто значительно меньше, больше лишь во времена каких-либо торговых кампаний, там, где они вообще имели место; сносный заработок, позволявший вести приличный образ жизни, а в хорошие времена и откладывать небольшие суммы; в целом сравнительно лояльные, основанные на совпадении деловых принципов отношения между конкурентами; частое посещение "клуба"; в зависимости от обстоятельств кружка пива по вечерам, семейные праздники и в целом размеренная спокойная жизнь.

Если исходить из коммерческих деловых свойств предпринимателей, из наличия капиталовложений и оборота капитала, из объективной стороны экономического процесса или характера бухгалтерской отчетности, то следует признать, что перед нами во всех отношениях "капиталистическая" форма организации. И тем не менее это "традиционалистское" хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте — все это, как мы полагаем, определяло "этос" предпринимателей данного круга.

В какой-то момент, однако, эта безмятежность внезапно нарушалась, причем часто это отнюдь не сопровождалось принципиальным изменением формы организации — переходом к замкнутому производству или к введению механических станков и т. д. Происходило обычно скорее следующее: какой-нибудь молодой человек из среды скупщиков переселялся из города в деревню, где он тщательно подбирал ткачей, значительно усиливал степень их зависимости и контроль над их деятельностью и тем самым превращал их из крестьян в рабочих: одновременно он старался сосредоточить в своих руках весь сбыт посредством установления тесной связи с низовыми

контрагентами, то есть с магазинами розничной торговли, сам вербовал покупателей, ежегодно регулярно посещал их и направлял свои усилия на то, чтобы качество продукции отвечало их потребностям и желаниям, "было бы им по вкусу"; одновременно он проводил в жизнь принцип "низкие цены, высокий оборот". Затем происходило то, что всегда и повсеместно следует за подобным процессом "рационализации": кто не поднимался, тот опускался. Идиллия рушилась под напором ожесточенной конкуренции, крупные состояния, возникшие в новых условиях, не отдавались в рост, а вкладывались в производство. Препятствия уютной, спокойной жизни приходил конец, наступала пора суровой трезвости: те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, хотели не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но вынуждены были ограничить свои потребности. При этом - что самое главное — не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот" (в ряде известных нам случаев весь процесс революционизирования совершался при помощи нескольких тысяч, взятых в займы у родственников), но вторжение нового духа, а именно "духа современного капитализма". Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма не сводится к вопросу об источнике используемых капиталистом денежных ресурсов. Это в первую очередь вопрос о развитой капиталистическом духа. Там, где он возникает и оказывает свое воздействие, он добывает необходимые ему денежные ресурсы, но не наоборот. Однако утверждение его шло отнюдь не мирным путем. Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения всегда встречала сторонника новых веяний; часто - нам известен ряд таких случаев — создавались даже настоящие легенды о темных пятнах его прошлого. Вряд ли кто-либо станет отрицать, что лишь необычайная сила характера могла уберечь подобного предпринимателя "нового стиля" от потери самообладания, от морального и экономического краха, что наряду со способностью трезво оценивать ситуацию и с активностью он должен был обладать прежде всего совершенно определенными, ярко выраженными "этическими" качествами, которые только и могли обеспечить необходимое при введении новых методов доверие клиентов и рабочих; только эти качества могли придать ему должную энергию для преодоления бесчисленных препятствий и прежде всего подготовить почву для того безграничного роста интенсивности и производительности труда, который необходим в капиталистическом предпринимательстве и несовместим с безмятежным существованием и наслаждением жизнью; эти (этические) качества по самой своей специфике относятся к иному типу, чуждому традиционализму прежних времен и адекватным ему свойствам.

Столь же несомненно и то, что этот внешне почти неприметный, но по существу решающий для проникновения нового духа в экономическую жизнь сдвиг совершался, как правило, не отважными и беспринципными спекулянтами или авантюристами, которых мы встречаем на протяжении всей экономической истории, не обладателями "больших денег", а людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорядоченными по своей природе, полностью преданными своему делу, со строго буржуазными воззрениями и "принципами".

На первый взгляд можно предположить, что эти личные моральные качества не имеют ничего общего с какими-либо этическими, максимами и тем более с религиозными

воззрениями, что адекватной подобному деловому образу жизни должна быть скорее некая негативная направленность, способность освободиться от власти традиций, то есть нечто близкое либерально-"просветительским" устремлениям. И это в целом верно для нашего времени, когда связь между жизненным укладом и религиозными убеждениями обычно либо полностью отсутствует, либо носит негативный характер; так, во всяком случае, обстоит дело в Германии. Люди, преисполненные "капиталистического духа", теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви. Благочестивая скука рая не прельщает столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире. Если спросить этих людей о "смысле" их безудержной погони за наживой, плодами которой они никогда не пользуются и которая именно при посясторонней жизненной ориентации должна казаться совершенно бессмысленной, они в некоторых случаях, вероятно, ответили бы (если бы они вообще пожелали ответить на этот вопрос), что ими движет "забота о детях и внуках"; вернее же, они просто сказали бы (ибо первая мотивировка не является чем-то специфическим для предпринимателей данного типа, а в равной степени свойственна и "традиционалистски" настроенным деятелям), что само дело с его неустанными требованиями стало для них "необходимым условием существования". Надо сказать, что это действительно единственная правильная мотивировка, выявляющая к тому же всю иррациональность подобного образа жизни с точки зрения личного счастья, образа жизни, при котором человек существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и стремление к власти, к почету, которые даются богатством, а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет неотразимое очарование для "поэтов" коммерческих кругов. Однако ведущие предприниматели капиталистического мира, достигающие прочного успеха, обычно не руководствуются в своей деятельности подобными соображениями. Что же касается стремления пристать к тихой гавани в виде имения и жалованного дворянства, видеть своих детей студентами университета или офицерами, чье блестящее положение заставляет забыть об их плебейском происхождении, стремления, характерного для выскочек из среды немецких капиталистов, то это лишь продукт эпигонства и упадка. "Идеальный тип" капиталистического предпринимателя, к которому приближаются и отдельные выдающиеся предприниматели Германии, не имеет ничего общего с такого рода чванством ни в его более грубом, ни в его более тонком выражении. Ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью внешне выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна - на историческом значении этого важного для нас явления мы еще остановимся — известная аскетическая направленность, отчетливо проступающая в цитированной выше "проповеди" Франклина. В характере капиталистического предпринимателя часто обнаруживаются известная сдержанность и скромность, значительно более искренние, чем та умеренность, которую столь благоразумно рекомендует Бенджамин Франклин. Самому предпринимателю такого типа богатство "ничего не дает", разве что иррациональное ощущение хорошо "исполненного долга и рамках своего призвания".

Именно это и представляется, однако, человеку докапиталистической эпохи столь непонятным и таинственным, столь грязным и достойным презрения. Что кто-либо может

сделать единственной целью своей жизненной деятельности накопление материальных благ, может стремиться к тому, чтобы сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом, люди иной эпохи способны были воспринимать лишь как результат извращенных наклонностей, "auri sacra fames".

В наше время, при современных политических, частноправовых и коммуникационных институтах, при нынешней хозяйственной структуре и формах производства, "дух капитализма" можно было бы рассматривать как результат приспособления. Хозяйственному строю капитализма необходима эта преданность делу, это служение своему "призванию", сущность которого заключается в добывании денег: это своего рода установка по отношению к внешним благам, столь адекватная данной структуре, столь неотделимая от условий борьбы за экономическое существование, что и настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между вышеназванным "хрематистическим" образом жизни и каким-либо цельным мировоззрением. Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощутимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. "Мировоззрение" теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Однако все это — явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору. Подобно тому как он в свое время сумел разрушить старые средневековые формы регламентации хозяйства только в союзе со складывающейся государственной властью, он, быть может (пока мы еще только предполагаем это), использовал и религиозные убеждения. Так ли это было в действительности и если было, то в какой форме, нам надлежит установить. Ибо едва ни требует доказательства то утверждение, что концепция наживы как самоцели, как "призвания" противоречит нравственным воззрениям целых эпох. Перенесенное в каноническое право положение "Deo placere vix potest", относящееся к деятельности торговца (в те времена оно, подобно (евангельскому тексту о лихоимстве, считалось подлинным), и определение жажды наживы у Фомы Аквинского как *turpitudine* (сюда включалось и связанное с предпринимательством, то есть этически дозволенное, получение прибыли) были уже известной уступкой (по сравнению с радикально антихрематистическими взглядами довольно широких слоев населения) со стороны католической доктрины интересам политически столь связанного с церковью финансового капитала итальянских городов.

Однако даже там, где католическая доктрина еще больше видоизменялась, как, например, у Антонина Флорентийского, никогда полностью не исчезало ощущение того, что деятельность, для которой нажива является самоцелью, есть, в сущности, нечто *ridendum*, нечто такое, с чем можно лишь мириться как с некоей данностью жизненного устройства. Некоторые моралисты того времени, в первую очередь сторонники номинализма, принимали зачатки капиталистического ведения дел как данность и пытались — не без известного противодействия — доказать, что они приемлемы и необходимы (особенно в торговле), что проявляющаяся в капиталистической деятельности "*industria*" есть законный, этически безупречный источник прибыли: однако

самый "дух" капиталистического приобретательства господствующее учение отвергало как turpitude и, уж во всяком случае, не оправдывало его с этических позиций. "Этические" нормы, подобные тем, которыми руководствовался Бенджамин Франклин, были для этого времени просто немыслимы. Исключение не составляли и взгляды представителей самих капиталистических кругов: пока они сохраняли связь с церковной традицией, они видели в своей деятельности в лучшем случае нечто этически индифферентное, терпимое, но вместе с тем — хотя бы из-за постоянной опасности преступить церковный запрет лихоимства — нечто, ставящее под сомнение спасение души. Источники свидетельствуют о том, что после смерти богатых людей весьма значительные суммы поступали в церковную казну в виде "покаянных денег", а в иных случаях и возвращались прежним должникам в качестве несправедливо взятых с них "usura". Дело обстоит иначе - если оставить в стороне еретические или рассматриваемые как сомнительные по своим учениям направления — лишь в патрицианских кругах, которые внутренне были уже свободны от власти традиции. Однако даже скептически настроенные или далекие от церковности люди предпочитали на всякий случай примириться с церковью, пожертвовав в ее казну определенную сумму денег, ввиду полной неизвестности того, что ждет человека после смерти, тем более что (согласно весьма распространенному более мягкому воззрению) для спасения души достаточно было выполнить предписываемые церковью внешние обряды. Именно в этом отчетливо проявляется отношение самих носителей новых веяний к своей деятельности, в которой они усматривают некие черты, выводящие ее за рамки нравственных устоев или даже противоречащие им. Каким же образом эта деятельность, которую в лучшем случае признавали этически допустимой, могла превратиться в "призвание" в понимании Бенджамина Франклина? И как исторически объяснить тот факт, что деятельность, которая во Флоренции XIV и XV вв., в центре тогдашнего капиталистического развития, на этом рынке денег и капиталов всех великих держав того времени, казалась сомнительной с моральной точки зрения — в лучшем случае ее только терпели, — в провинциальной мелкобуржуазной Пенсильвании XVIII в., стране, где из-за простого недостатка денег постоянно возникала угроза экономического краха и возвращения к натуральному обмену, где не было и следа крупных промышленных предприятий, а банки находились на самой ранней стадии своего развития, считалась смыслом и содержанием высоконравственного жизненного поведения, к которому надлежит всячески стремиться? Усматривать здесь "отражение" в идеологической надстройке "материальных" условий было бы просто нелепо. Какой же круг идей способствовал тому, что деятельность, направленная внешне только на получение прибыли, стала подводиться под категорию "призвания", по отношению к которому индивид ощущает известное обязательство? Ибо именно эта идея служила этической основой и опорой жизненного поведения предпринимателей "нового стиля".

В ряде случаев указывалось на то, что основным принципом современного хозяйства следует считать "экономический рационализм" — так, в частности, полагает Зомбарт, который развивает эту мысль в своих подчас очень плодотворных и убедительных исследованиях. Это, несомненно, справедливо, если под экономическим рационализмом понимать такое повышение производительности труда, которое достигается посредством научно обоснованного расчленения производственного процесса, способствующего устранению "органического" предела, установленного природой.

Подобным процессом рационализации в области техники и экономики, несомненно, обусловлена и значительная часть "жизненных идеалов" современного буржуазного общества: труд, направленный на создание рационального способа распределения материальных благ, без сомнения, являл собой для представителей "капиталистического духа" одну из главных целей. Достаточно ознакомиться хотя бы с тем, что Франклин сообщает о своих усилиях по улучшению коммунального хозяйства Филадельфии, чтобы полностью ощутить эту очевидную истину. Радость и гордость капиталистического предпринимателя от сознания того, что при его участии многим людям "дана работа", что он содействовал экономическому "процветанию" родного города в том ориентированном на количественный рост населения и торговли смысле, который капитализм вкладывает в понятие процветания, — все это, безусловно, является составной частью той специфической и, несомненно, "идеалистической" радости жизни, которая характеризует представителей современного предпринимательства. Столь же несомненной фундаментальной особенностью капиталистического частного хозяйства является то, что оно рационализировано на основе строгого расчета, планомерно и трезво направлено на реализацию поставленной перед ним цели; этим оно отличается от хозяйства живущих сегодняшним днем крестьян, от привилегий и рутины старых цеховых мастеров и от "авантюристического капитализма", ориентированного на политическую удачу и иррациональную спекуляцию.

Создается впечатление, что развитие "капиталистического духа" может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия. В этом случае историческое значение протестантизма сводилось бы к тому, что он сыграл известную роль в качестве "предтечи" чисто рационалистического мировоззрения. Однако при первой же серьезной попытке такого рода становится очевидным, что подобная упрощенная постановка проблемы невозможна хотя бы по одному тому, что общая история рационализма отнюдь не является совокупностью параллельно прогрессирующих рационализации отдельных сторон жизни. Рационализация частного права, например, если понимать под этим упрощение юридических понятий и расчленение юридического материала, достигла своей высшей формы в римском праве поздней античности и была наименее развитой в ряде достигших наибольшей экономической рационализации стран, в частности и Англии, где рецепция римского права в свое время потерпела неудачу ввиду решительного противодействия со стороны мощной юридической корпорации, тогда как в католических странах Южной Европы римское право пустило глубокие корни. Чисто посюсторонняя рациональная философия XVIII в. нашла свое пристанище отнюдь не только (и даже не преимущественно) в наиболее развитых капиталистических странах. Вольтерьянство и поныне еще является общим достоянием высших и — что практически более важно — средних слоев населения именно романских католических стран. Если же под "практическим рационализмом" понимать тот тип жизненного поведения, который базируется на сознательной оценке мироздания и отношении к нему с точки зрения посюсторонних интересов отдельной личности, то этот стиль жизни как и в прошлом, так и в настоящем типичен для народов *liberum arbitrium*, входит в плоть и кровь итальянцев и французов. Между тем мы уже могли убедиться в том, что отнюдь не на этой почве сформировалось то отношение человека к своему "призванию" как цели жизни, которое является необходимой предпосылкой для развития капитализма. Ибо

жизнь можно "рационализировать" с весьма различных точек зрения и в самых различных направлениях (этот простой часто забываемый тезис нужно было бы ставить во главу угла каждого исследования проблемы "рационализма"). "Рационализм— историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей. Нам надлежит здесь выяснить, какой дух породил ту конкретную форму "рационального" мышления и "рациональной" жизни, из которой выросли идея "призвания" и та — столь иррациональная с точки зрения чисто эвдемонистических интересов отдельной личности — способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии, которая всегда была одной из характернейших черт нашей капиталистической культуры и является таковой и поныне. Нас интересует здесь в первую очередь происхождение тех иррациональных элементов, которые лежат в основе как данного, так и любого другого понятия "призвания".

Аскеза и капиталистический дух

Для понимания связи между основными религиозными идеями аскетического протестантизма и правилами экономических будней необходимо прежде всего обратиться к тем богословским произведениям, которые выросли из повседневной душеспасительной практики. Ибо в те времена, когда мысли о потустороннем мире заполняли жизнь людей, а от допущения к причастию зависело социальное положение христианина, когда значение духовника в деле спасения души, в осуществлении церковной дисциплины и в качестве проповедника достигало такой степени, о которой мы, современные люди, просто не можем составить себе представления (для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к собраниям "consilia", "casus i onscientiae" и т.п.),—в те времена движущие религиозные идеи, накладывавшие свой отпечаток на данную практику, решающим образом формировали "национальный характер".

В настоящем разделе в отличие от последующих мы можем рассматривать аскетический протестантизм как некое единство. Поскольку, однако, наиболее последовательное обоснование идее профессионального призвания дает выросший на почве кальвинизма английский пуританизм, мы в соответствии с нашей принципиальной установкой ставим одного из его представителей в центр нашего исследования. Ричард Бакстер отличается от многих других литературных представителей пуританской этики ярко выраженной практической и миролюбивой направленностью и вместе с тем всеобщим признанием — его работы постоянно переиздавались и переводились на другие языки. Просвитерианин и апологет Вестминстерского синода, он вместе с тем, как многие лучшие умы той эпохи, постепенно отходил от строгой кальвинистской) догматики; противник в душе кромвелевской узурпации власти как и вообще любой революции, чуждый сектантству и фанатическому рвению "святых", он вместе с тем проявлял большую широту взглядов в оценке внешних специфически особенностей и объективность по отношению к свои противникам. Сферу своей деятельности Бакстер стремился ограничить практическими проблемами церковно-нравственной жизни и, будучи одним из самых выдающихся среди всех известных духовников, он служил на этом поприще парламенту, Кромвелю и Реставрации вплоть до того момента, когда (одним из последних — уже незадолго до дня св. Варфоломея ушел со своей должности. Его "Christian directory" — наиболее полный компендиум моральной теологии пуритан,

полностью основанный на личном практическом опыте спасения души. Ввиду недостатка места мы переносим в примечания основные данные, необходимые для сопоставления "Теологических размышлений" Шпенера как образца немецкого пиетизма с "Апологией" Роберта Барклея (квакерство) и работами других представителей аскетической эпохи.

Если обратиться к "Вечному покою святых" Бакстера, к его "Christian directory" или к близким работам других авторов, то в их суждениях о богатстве и способе его приобретения сразу же бросается в глаза акцент на эбионитические элементы новозаветного откровения. Богатство как таковое таит в себе страшную опасность, искушения его безграничны; стремление к богатству не только бессмысленно по сравнению с бесконечно превышающим его значением царства Божьего, но вызывает сомнения и нравственного порядка. Здесь аскеза направлена, по-видимому, против любого стремления мирским благам, притом значительно более резко, чем у Кальвина. Кальвин не видел в богатстве духовных лиц препятствия для их деятельности; более того, он усматривал в богатстве средство для роста их влияния, разрешал им вкладывать имущество в выгодные предприятия при условии, что это не вызовет раздражения в окружающей среде. Из пуританской литературы можно извлечь любое количество примеров того, как осуждалась жажда богатства и материальных благ, и противопоставить их значительно более наивной по своему характеру этической литературе средневековья. И все эти примеры свидетельствуют о вполне серьезных предостережениях; дело заключается, однако, в том, что подлинное их этическое значение и обусловленность выявляются лишь при более

внимательном изучении этих свидетельств. Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия — бездействие и плотские утехи — и прежде всего ослабление стремления к "святой жизни". И только потому, что собственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. Ибо "вечный покой" ждет "святых" в потустороннем мире, в земной жизни человеку, для того чтобы увериться в своем спасении, должно делать дела пославшего его, доколе есть день. Не бездействие и наслаждение, а лишь деятельность служит приумножению славы Господней согласно недвусмысленно выраженной воле Его. Следовательно, главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для "подтверждения" своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, "пустую болтовню", роскошь, даже не превышающий необходимое время сон — не более шести, в крайнем случае восьми часов — морально совершенно недопустима. Здесь еще не вошло в употребление изречение "время — деньги", которое нашло себе место в трактате Бенджамина Франклина, однако в духовном смысле эта идея в значительной степени утвердилась; время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан приумножению славы Его. Пустым, а иногда даже вредным занятием считается поэтому и созерцание, во всяком случае тогда, когда оно осуществляется в ущерб профессиональной деятельности. Ибо созерцание менее угодно Богу, чем активное выполнение его воли в рамках своей профессии. К тому же для занятий такого рода существует воскресенье. Но мнению Бакстера, люди, бездеятельные в своей профессии, не находят времени и для Бога, когда приходит час

Его.

Все основное произведение Бакстера пронизывает настойчивая, подчас едва ли не страстная проповедь упорного, постоянного физического или умственного труда. В этом обнаруживается влияние двух мотивов. Прежде всего труд издавна считался испытанным аскетическим средством: в качестве такового он с давних пор высоко ценился церковью Запада в отличие не только от Востока, но и от большинства монашеских уставов всего мира. Именно труд служит специфической превентивной мерой против всех тех — достаточно серьезных — искушений, которые пуританизм объединяет понятием "unclean life". Ведь сексуальная аскеза пуританизма отличается от монашеской лишь степенью, а не основополагающим принципом, а поскольку она простирается и на брачную жизнь, то сфера ее действия более обширна. Ибо половая жизнь в браке также допустима лишь как угодное Богу средство для приумножения славы Его согласно завету: "Плодитесь и множитесь". В качестве действенного средства против соблазнов плоти предлагается то же, что служит для преодоления религиозных сомнений и изощренного самоистязания: наряду с диетой, растительной пищей и холодными ваннами предписание: "Трудитесь в поте лица своего на стезе своей".

Однако труд выходит по своему значению за эти рамки, ибо он как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека. Слова апостола Павла: "Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь" — становятся общезначимым и обязательным предписанием. Нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати.

Здесь отчетливо обнаруживается отличие от средневекового отношения к этой проблеме. Фома Аквинский тоже дал свое толкование этих слов апостола Павла. Однако в его истолковании труд лишь *natural ratione* необходим для поддержания жизни как отдельного человека, так и человечества в целом. Там, где отсутствует эта цель, теряет свою силу и это предписание. Оно имеет в виду лишь род человеческий, а не каждого человека в отдельности. На того, кто обладает необходимым имуществом и может существовать не работая, это предписание не распространяется; что же касается созерцания как духовной формы деятельности в царстве Божьем, та в средневековом понимании оно было, конечно, выше завета апостола Павла в его буквальном значении. Ведь для популярного богословия высшей формой монашеской "производительности" было умножение "thesaurus eccle-siae" молитвой и пением в хоре. У Бакстера же не только отсутствует подобная этическая интерпретация трудовых обязанностей, но всячески подчеркивается, что богатство не освобождает от этого безусловного требования апостола Павла. Имущий также да не ест, если он не работает, ибо, если он и не нуждается в работе для удовлетворения своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Божья остается в силе, и он обязан блюсти ее так же, как соблюдает ее бедный. Провидение Господне дало каждому профессию (*calling*), которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться: это профессиональное призвание здесь не судьба, с которой надо примириться и которой надо покорно следовать (как в лютеранстве), а требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его. И такой как будто незначительный оттенок имел далеко идущие психологические последствия и способствовал дальнейшему утверждению того провиденциального толкования экономического космоса, которое было известно уже схоластам.

Фома Аквинский (от учения которого нам в данной связи наиболее уместно отправляться), подобно многим другим мыслителям, рассматривал разделение труда и деление общества по профессиям как прямое следствие божественного плана мирового устройства. Введение же человека в этот космос происходит *ex causis naturalibus* и случайно по своему характеру ("contingent", по терминологии схоластов). Для Лютера распределение людей по существующим сословиям и профессиям и соответствии с объективным историческим устройством общества было, как мы уже видели, прямой эманацией божественной воли, а пребывание каждого человека на своем месте и его деятельность в рамках, установленных для него Богом, превращались, следовательно, в религиозный долг. Это еще усугублялось тем, что отношение лютеровской религиозности к "миру" с самого начала носило характер некоторой неопределенности и таковым оставалось и в дальнейшем. Из круга идей Лютера, который полностью так и не освободился от влияния апостола Павла с его индифферентным отношением к мирской жизни, нельзя было вывести этические принципы мирового устройства, поэтому его приходилось просто принимать таким, как оно есть, преобразуя покорное приятие его в религиозный долг. Иначе трактуется провиденциальный характер взаимопереплетения частнохозяйственных интересов в пуританском учении. О значении провиденциальной цели, в соответствии с которой люди делятся по профессиям, мы, согласно пуританской схеме прагматического толкования, узнаем по плодам этого деления. По этому вопросу Бакстер высказывает взгляды, которые в ряде моментов прямо соприкасаются с известным апофеозом разделения труда у Адама Смита. Специализация ведет, способствуя выучке (*skill*) рабочего, к количественному повышению производительности труда и тем самым служит общему благу (*common best*), которое тождественно благу наибольшего числа людей. Если до этого момента мотивация Бакстера чисто утилитарна и близка многим хорошо известным взглядам, высказываемым в светской литературе того времени, то чисто пуританский оттенок его идей выступает сразу, как только Бакстер ставит во главу угла следующий мотив: "Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность не что иное, как случайная работа;

выполняя ее, человек больше времени лентяйничает, чем трудится". Это изречение Бакстер завершает следующим образом: "Он (работник определенной профессии) занят упорядоченной деятельностью, в отличие от тех, кто пребывает в вечном замешательстве, совершая свои действия вне постоянного места и времени... поэтому определенная профессия ("*certain calling*", в других местах говорится о "*stated calling*") является наивысшим благом для каждого человека". Случайную работу, которую часто вынужден выполнять рядовой поденщик, следует рассматривать как подчас неизбежное, но всегда нежелательное временное занятие. В жизни человека "без определенной профессии" отсутствует тот систематически-методический характер, который является, как мы видели, непременным требованием мирского аскетизма. Квakerская этика также требует, чтобы профессиональная деятельность человека являла собой последовательное аскетическое воспитание добродетели, испытание его избранности; избранность воплощается в добросовестности, которая в свою очередь находит свое отражение в тщательном и методичном выполнении своих профессиональных обязанностей. Не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. В пуританском учении о профессиональном призвании ударение делается всегда на методическом характере

профессиональной аскезы в отличие от интерпретации Лютера, который рассматривает профессиональную деятельность как покорность своей предрешенной Богом участи. Поэтому пуританское учение не только решительно высказывается в пользу сочетания нескольких callings при условии, что это будет способствовать общему и собственному благу и никому не принесет ущерба и что такое сочетание разных профессий не приведет к недобросовестному (unfaithful) выполнению своих обязанностей в рамках одной из них, но пуритане отнюдь не считают достойной порицания и перемену профессии, если только это не совершается легкомысленно и проистекает из желания заняться более угодной Богу — что, исходя из общей принципиальной направленности пуританства, означает более полезной деятельностью. И еще одно, и это самое важное: полезность профессии и, следовательно, ее угодность Богу в первую очередь определяются с нравственной точки зрения, затем степенью важности, которую производимые в ее рамках блага имеют для "всего общества"; однако в качестве третьего и практически безусловно наиболее важного критерия выступает ее "доходность". Ибо если Бог, перо которого пуританин усматривает во всех обстоятельствах своей жизни, представляет кому-нибудь из своих избранных какой-либо шанс для извлечения прибыли, то он совершает это, руководствуясь вполне определенными намерениями. И верующий христианин должен следовать данному указанию свыше и использовать предоставленную ему возможность. "Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем ни каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть. Богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству — лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано. Об этом как будто прямо говорится в притче о рабе, который впал в немилость за то, что не приумножил доверенную ему мину серебра. Желание быть бедным было бы равносильно, как часто указывается, желанию быть больным и достойно осуждения в качестве проявления синергизма, наносящего ущерб славе Божьей. Что же касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, то это не только грех бездеятельности, но и, по словам апостола, нарушение завета любить ближнего своего.

Подобно тому как акцентирование аскетического значения постоянной профессии служит этической идеализации современной профессиональной специализации, так провиденциальное истолкование стремления к наживе служит идеализации делового человека. Аскетически настроенным пуританам в равной степени претит как аристократическая небрежность знати, так и чванство выскочек. Полное этическое одобрение встречает трезвый буржуа — selfmademan. Слова "God blesseth his trade" — принятое пожелание в адрес тех "святых", которые добивались успеха, следуя божественным предписаниям. С точки зрения пуританина, контролировавшего по совету

Бакстера свою избранность посредством сравнения своего душевного состояния с душевным состоянием библейских героев и толковавшего при этом библейские изречения "как параграфы судебника", в том же направлении действовала вся мощь ветхозаветного Бога, который награждал своих избранных за их благочестие еще в этой жизни. Впрочем, изречения Ветхого завета не всегда были однозначны, мы уже знаем, что Лютер впервые применил понятие "Veruf" в светском его значении при переводе одного места из Книги Иисуса сына Сирахова. Между тем Книга Иисуса сына Сирахова по всему своему настроению принадлежит, несмотря на сильно ощущаемое в ней эллинистическое влияние, к традиционалистским частям (расширенного) Ветхого завета. Характерно, что эта книга пользуется вплоть до настоящего времени особой любовью большинства немецких крестьян лютеранского вероисповедания; лютеранская направленность широких слоев немецкого пиетизма также обычно находит свое выражение в особом предпочтении именно Книги Иисуса сына Сирахова. Пуритане, основываясь на резком противопоставлении божественного рукотворному, отвергали апокрифы как небогодухновенные. Тем большим признанием пользовалась у них Книга Иова с ее величественным прославлением божественной воли, абсолютной по своей суверенности и несоизмеримости с человеческими масштабами (что было столь конгениально кальвинистским воззрением), с одной стороны, и возникающей в конце Книги уверенностью (второстепенной для Кальвина, но чрезвычайно важной для пуритан) в том, что Всевышний осенит благодатью избранных своих еще в этой жизни (в Книге Иова только в этой жизни!) и дарует им материальное благополучие, с другой. Пуритане так же игнорировали восточный квиетизм, простирающийся в ряде наиболее одухотворенных псалмов и Притчей Соломоновых, как Бакстер традиционалистский оттенок важного для понятия "Veruf" места в Первом послании к коринфянам. Подчеркивались именно те места Ветхого завета, в которых восхвалялась формальная добропорядочность как признак угодного Богу поведения. Теория, устанавливающая, что законы Моисея лишь постольку потеряли свое значение с момента заключения нового союза, поскольку они содержат обрядовые или исторически обусловленные предписания иудаизма, в остальном же от века имели значение (и сохраняют его) в качестве выражения *lex naturae*, - эта теория позволила, с одной стороны, устранить все несовместимые с современной жизнью предписания, с другой — используя многочисленные родственные ей черты, расчистить путь для усиления того мощного духа легальности, трезвости и уверенности в своей правоте, который был свойствен мирской аскезе протестантизма. Поэтому если многие современники, а также и писатели последующего времени определяли этическую настроенность именно английских пуритан как "english hebraism", то это при правильном понимании вполне соответствует истине. Надо только иметь в виду не палестинский иудаизм времени ветхозаветных книг, а иудаизм, постепенно формировавшийся под воздействием многовекового влияния Талмуда и формалистически воспринятых предписаний Закона, но и тогда проводить исторические параллели следует лишь с большой осторожностью. Непосредственное по своей сущности восприятие жизни древними иудеями в целом резко отличается от своеобразного духовного склада пуритан. Столь же чужда пуританизму, и это следует иметь в виду, и хозяйственная этика евреев средневекового и нового времени, причем различие это распространялось, в частности, на те черты, которые имели решающее значение при определении роли обоих религиозных учений в развитии капиталистического этоса. Еврейство находилось в сфере политически или

спекулятивно ориентированного "авантюристического" капитализма: его этос был, если попытаться охарактеризовать его, этосом капиталистических париев: пуританизм же был носителем этоса рационального буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда. И из иудейской этики он взял лишь то, что соответствовало его направленности.

В данном очерке невозможно показать, какие характерологические последствия имело насыщение жизни ветхозаветными нормами, — эта чрезвычайно интересная задача до сих пор полностью не решена даже в рамках иудаизма. Для понимания внутренней настроенности пуритан следует наряду с указанной выше ролью в их жизни Ветхого завета прежде всего иметь в виду, что в пуританизме возродилась во всем ее величии вера в народ, избранный Богом. Даже кроткий Бакстер благодарит Бога за то, что он предназначил ему родиться в Англии и в лоне истинной церкви, а не в каком-либо другом месте; этим чувством благодарности за свою обусловленную Божьей милостью безупречность преисполнено все жизнеощущение пуританского бюргерства, определившее формально-корректный, жесткий характер, свойственный представителям героической эпохи капитализма.

Мы попытаемся теперь остановиться на ряде таких моментов в пуританском понимании профессионального призвания и требовании аскетической жизни, которые должны были оказать непосредственное влияние на развитие капиталистического стиля жизни. Всю силу удара аскетизм направляет, как мы уже видели, на непосредственное наслаждение жизнью и всеми ее радостями. Наиболее яркое выражение это нашло в борьбе, развернувшейся вокруг "Book of sports", которую Яков I и Карл I в их очевидном желании покончить с пуританством возвели в закон, причем Карл I повелел читать ее с кафедры во всех церквях. Если пуритане бешено сопротивлялись королевскому постановлению, объявлявшему обычные народные увеселения в воскресные дни вне времени богослужения дозволенными законом, то они тем самым выступали не только против нарушения субботнего покоя, но и против преднамеренного нарушения упорядоченного жизненного строя святых. И если король в свою очередь грозил строгой карой за попытки объявить эти развлечения незаконными, то целью его было сломить ту аскетическую направленность, которая по своему антиавторитарному характеру представляла собой опасность для государства. Феодалное общество монархического государства ограждало "склонных к развлечениям" людей от посягательств возникающей буржуазной морали и аскетических общин, враждебных властям, подобно тому как в настоящее время капиталистическое общество защищает "желающих работать" от классовой морали рабочих и враждебных властям профсоюзов. В этой борьбе пуритане отстаивали свою специфическую особенность — принцип аскетической жизни, ибо в остальном антипатия пуритан и даже квакеров к спортивным играм была отнюдь не принципиальной. Но они должны были служить определенной рациональной цели: отдыху, необходимому для сохранения физической работоспособности. В качестве средств для освобождения от избытка жизненных сил они вызывали у пуритан сомнения, а в той мере, в какой они превращались в чистое развлечение или даже способствовали пробуждению спортивного азарта, грубых инстинктов или рационального стремления к соперничеству, они безусловно отвергались. Инстинктивное стремление к наслаждению жизнью, отвлекавшее и от

профессиональной деятельности, и от религиозного долга, было по самой своей природе враждебно рациональной аскезе, независимо от того, находило ли оно свое выражение в спортивных играх "сеньоров" или в посещении рядовым обывателем танцевальных вечеров и таверн.

Недоверие и враждебность проявляли пуритане и по отношению ко всем тем культурным ценностям, которые не были непосредственно связаны с религией. Из этого не следует, что жизненный идеал пуританина включает в себя в качестве своей компонента мрачный, презирающий культур фанатизм невежества. Можно — во всяком случае, поскольку речь идет о науке — с полным основанием утверждать обратное (за исключением ненавистной пуританам схоластики). Крупнейшие представители пуританизма глубоко восприняли идейное богатство Возрождения — проповеди представителей пресвитерианского крыла этого движения пестрят классицизмами. Не пренебрегали в полемике по богословским вопросам такого рода ученостью и радикалы, хотя они именно ее и порицали. Вероятно, нигде не было такого количества "graduates", как в Новой Англии в первом поколении ее жителей. В основу сатирического изображения пуритан, например, в "Гудибрасе" Сэмюэля Батлера положена прежде всего именно их кабинетная ученость и изощренная диалектика. Это отчасти связано с религиозной оценкой знания, сложившейся в результате неприятия "tides implicita" католицизма. Иначе обстоит дело, как только мы переходим в область литературы ненаучного характера и изобразительного искусства. Здесь аскетизм действительно заключил в оковы жизнь веселой старой Англии и это касалось не только светских празднеств. Гнев и ненависть пуритан, направленные против всего того, в чем можно было усмотреть оттенок "super-siition", против всех реминисценций магических и церковных обрядов сообщения благодати, распространялись на христианский праздник Рождества так же, как и на праздник Майского дерева, и на всю ту непосредственную радость, которую доставляло верующим церковное искусство. То обстоятельство, что в Голландии это не помешало развитию великого, подчас откровенно реалистического искусства, свидетельствует лишь о том, сколь малоэффективными были все усилия тамошних ревнителей строгой регламентации нравов по сравнению с влиянием двора и регентов (слоя рантье), а также с жизнерадостностью разбогатевших бюргеров, после того как кратковременное господство кальвинистской теократии растворилось в рамках трезвой государственной церкви, а кальвинистская аскеза тем самым в значительной степени потеряла свою притягательную силу. Театр пуритане отвергали, а полное исключение всех элементов эротики и любого изображения нагого человеческого тела из сферы искусства сделало невозможным появление радикальных взглядов в литературе или живописи. Такие понятия, как "idle talk", "superfluities", "vain ostentation", а ими пуритане клеймили всякую иррациональную деятельность, лишённую определенной цели и тем самым направленную не на достижение аскетических идеалов и не на приумножение славы Господней, а на служение человеку, неизменно фигурировали всякий раз, когда надо было подчеркнуть значение трезвости и целесообразности и противопоставить их чисто художественным мотивам. И особой силы это противопоставление достигало тогда, когда речь шла о личной склонности к роскоши, например в одежде. Идейной основой ярко выраженной тенденции к унифицированию стиля жизни, которая в настоящее время служит капиталистическим интересам стандартизации продукции, является отказ от "обожествления рукотворного". При этом

не следует, конечно, забывать, что в пуританизме была заключена бездна противоречий, что инстинктивное стремление к вневременному высокому искусству было значительно более свойственно ведущим мыслителям пуританизма, чем "кавалерам", и что на творчество такого неповторимого гения, каким был Рембрандт, наложила несомненный отпечаток и его сектантская среда, как ни мало его "поведение" соответствовало требованиям пуританского Бога. Однако в целом это не изменяет общей картины, ибо то глубокое погружение личности в свой внутренний мир, к которому могло привести дальнейшее развитие пуританского мироощущения и одним из факторов которого оно действительно стало, оказало свое влияние главным образом на литературу, да и то более позднего времени.

Мы не можем здесь более подробно останавливаться на влиянии пуританизма в разных областях культуры: укажем лишь на то, что радость, доставляемая чисто эстетическим восприятием культурных ценностей или спортом, всегда имела одно характерное ограничение: она должна была быть бесплатной. Ведь человек — лишь управляющий благами, доверенными ему милостью Божьей; он, подобно рабу в библейской притче, обязан отчитываться в каждом доверенном ему пфенниге, и если он истратит что-либо не во славу Божью, а для собственного удовольствия, то это по меньшей мере вызывает сомнение в богоугодности его поступка. Кому из беспристрастных людей не известны сторонники подобной точки зрения и в наши дни? Мысль об обязательстве человека по отношению к доверенному ему имуществу, которому он подчинен в качестве управителя или даже своего рода "машины для получения дохода", ложится тяжелым грузом на всю его жизнь и замораживает ее. Чем больше имущество, тем сильнее, если аскетическое жизнеощущение выдержит искус богатства, чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом во славу Божью. Генетически отдельные элементы этого образа жизни, как и многие другие компоненты современного капиталистического духа, уходят в средневековье, однако свою действительную этическую основу этот жизненный уклад находит лишь в этике аскетического протестантизма. Значение его для развития капитализма очевидно.

Подведя итог сказанному выше, мы считаем возможным утверждать, что мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождало приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу (в указанном выше смысле) занятие. Борьба с плотью и приверженностью к материальным благам была, как наряду с пуританами настойчиво подчеркивает и великий апологет квакерского учения Барклей, борьбой не с рациональным приобретательством, а с иррациональным использованием имущества. Оно прежде всего находило свое выражение в привязанности к показной роскоши (проклинаемой пуританами в качестве обожествления рукотворного), столь свойственной феодальной жизни, тогда как Богу угодно рациональное и утилитарное использование богатства на благо каждого отдельного человека и общества в целом. Аскеза требовала от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям. Понятие "comfort" характерные образом охватывает круг

этих этически дозволенных способов пользования своим имуществом, и, разумеется, не случайно связанный с этим понятием строй жизни прежде всего и наиболее отчетливо обнаруживается у самых последовательных сторонников этого мировоззрения, у квакеров. Мишурному блеску рыцарского великолепия с его весьма шаткой экономической основой и предпочтением сомнительной элегантности трезвой и простой жизни они противопоставляли в качестве идеала уют буржуазного "home" с его безупречной чистотой и солидностью.

Борясь за производительность частнохозяйственного богатства, аскеза ратовала как против недобросовестности, так и против инстинктивной жадности, ибо именно ее она порицала как "covetousncss", "мамонизм" и т. п., другими словами, против стремления к богатству как самоцели. Ибо имущество само по себе, несомненно, является искусом. Однако тут-то аскеза превращалась в силу, "что без числа творит добро, всему желая заа" (зло в ее понимании — это имущество со всеми его соблазнами). Дело заключалось не только в том, что в полном соответствии с Ветхим заветом и с этической оценкой "добрых дел" эта сила видела в стремлении к богатству как самоцели "вершину порочности, а в богатстве как результате профессиональной деятельности — Божье благословение; еще важнее было другое: религиозная оценка неумоимого, постоянного, систематического мирского профессионального гряда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как "дух" капитализма. Если же ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к "аскетической бережливости". Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала. Конечно, степень этого воздействия не может быть исчислена в точных цифрах. В Новой Англии эта связь ощущается очень сильно, она не ускользнула от взора такого выдающегося историка, каким является Джон Доил. Однако и в Голландии, где действительное господство кальвинизма продолжалось лишь семь лег, простота жизненного уклада, утвердившегося в подлинно религиозных кругах, привела при наличии громадных состояний к ярко выраженному импульсу накопления капитала. Само собой разумеется, что пуританизм с его антипатией к феодальному образу жизни должен был заметно ослабить широко распространенную повсюду и во все времена тенденцию (сильную у нас и поныне) приобретать на нажитый капитал дворянские земли. Английские писатели-меркантилисты XVII в видели причину превосходства голландского капитала над английским в том, что в Голландии (в отличие от Англии) нажитые состояния не вкладывались в землю и, что гораздо важнее — ибо именно это, а не приобретение земли как таковой здесь существенно, — владельцы крупных капиталов не стремились воспринять аристократический образ жизни и превратить свою собственность в феодальное владение, что вывело бы ее из сферы капиталистического предпринимательства. Распространенная и в пуританских кругах высокая оценка, сельского хозяйства как особо важной и способствующей благосостоянию отрасли имеет ввиду (например, у Бакстера) отнюдь не лендлордов, а иоменов и фермеров; в XVIII п. — не юнкеров, а "рационального" сельского хозяина.

Начиная с XVII в. в английском обществе намечается водораздел между "сквайрами", представлявшими "веселую старую Англию", и пуританскими кругами, социальное влияние которых резко колебалось. Вплоть до настоящего времени в "национальном характере" англичан сохранились противоречивые черты: с одной стороны, несокрушимая наивная жизнерадостность, с другой строго контролируемая сдержанность, самообладание и безусловное подчинение принятым этическим нормам. Через всю раннюю историю североамериканской колонизации проходит это противоречие: с одной стороны, "adventurers", обрабатывающие плантации с помощью indentured servants и качестве рабочей силы и склонные к аристократическому образу жизни, с другой - пуритане с их специфической буржуазной настроенностью.

Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного рационального с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений. Именно пуританское отношение к жизни было главной опорой этой тенденции, а пуритане ее единственно последовательными сторонниками. Пуританизм стоял у колыбели современного "экономического человека". Правда, и пуританские жизненные идеалы подчас не выдерживали натиска слишком сильных "искушений", которые, как хорошо было известно и пуританам, таило в себе богатство. Мы постоянно встречаем искренних сторонников пуританской веры в рядах поднимающихся слоев мелкой буржуазии и фермеров; и даже "beali possidentes" среди квакеров весьма часто склонялись к отказу от своих прежних идеалов. Здесь все тот же рок, который постоянно преследовал и

предшествующую мирской аскезе средневековую "монашескую аскезу": как только в обители строго регулируемой жизни и ограниченного потребления рациональное ведение хозяйства достигало полного расцвета, приобретенное имущество либо сразу феодализировалось, как это происходило до Реформации, либо складывалась такая ситуация, которая ставила под угрозу монастырскую дисциплину, и тогда наступал момент для проведения одного из многочисленных "реформирований" монастырских уставов. Вся история уставов монашеских орденов в определенном смысле не что иное, как непрерывная борьба с секуляризирующим влиянием собственности. То же в безгранично большей степени относится к мирской аскезе пуританизма. Могучее "revival" методизма, предшествовавшее расцвету английской промышленности в XVIII в., можно уподобить такой монастырской реформе. Здесь уместно привести отрывок из Джона Уэсли, который вполне мог бы служить эпиграфом ко всему вышесказанному. Слова Уэсли свидетельствуют о том, что главы аскетических движений полностью (и совершенно в духе нашего толкования) отдавали себе отчет в изложенной выше, на первый взгляд парадоксальной взаимосвязи. Уэсли пишет: "Я опасюсь того, что там, где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение. Поэтому, исходя из логики вещей, я не вижу возможности, чтобы возрождение подлинного благочестия где бы то ни было могло быть продолжительным. Ибо религия неминуемо должна порождать как трудолюбие (industry), так и бережливость (frugality), а эти свойства в свою очередь обязательно ведут к богатству. Там же, где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях. Как же можно рассчитывать на то, что

методизм, эта религия сердца, сохранит свой первоначальный облик, пусть даже теперь эта религия подобна древу с пышной листвой? Повсеместно методисты становятся прилежными и бережливыми. Их имущество, следовательно, растет. Вместе с тем растут и их гордыня, страсти, любовь к плотским мирским утехам и высокомерие. В результате этого сохраняется лишь форма религии, но дух ее постепенно исчезает. Неужели же нет такого средства, которое могло бы предотвратить этот непрекращающийся упадок чистой религии? Мы не можем препятствовать тому, чтобы люди были радвыми и бережливыми. Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, то есть стремились к богатству". (За этим следует увещание, чтобы "наживающие сколько могут и сберегающие сколько могут" были готовы и "отдать все, что могут", дабы сохранить милосердие Господне и

скопить сокровища на небесах.) Очевидно, что в этих словах вплоть до мельчайших нюансов обнаруживается тот же ход мыслей, который был предложен нами вниманию читателей.

Как указывает Уэсли, великие религиозные движения, чье значение для хозяйственного развития коренилось прежде всего в их аскетическом воспитательном влиянии, оказывали наибольшее экономическое воздействие, как правило, тогда, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда судорожные попытки обрести царство Божье постепенно растворялись в трезвой профессиональной добродетели и корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посясторонности; в это время, пользуясь определением Доудена, "Робинзон Крузо", изолированный от мира экономической человек, занимающийся отчасти и миссионерством, вытеснил в народной фантазии "пилигрима" Беньяна, этого одинокого человека, все усилия которого направлены на то, чтобы поскорее миновать "ярмарку тщеславия" в поисках царства Божьего. Если вслед за тем утверждается принцип "to make the best of botli Worlds", то в конечном итоге, как указал уже Доуден, спокойная совесть становилась одним из компонентов комфортабельного буржуазного существования. Это хорошо выражено немецкой пословицей о "мягкой подушке". И если та полная интенсивной религиозной жизни эпоха XVII в. что-то и завещала своей утилитаристски настроенной наследнице, то прежде всего безусловно чистую совесть (которую с полным основанием можно назвать фарисейской), сопутствующую наживе, если только эта нажива не выходит за рамки легальности. От "Deo placere vix potest" не осталось и следа. Так возникает специфически буржуазный профессиональный этос. В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, который не преступал границ формальной корректности (чья нравственность не вызывала сомнения, а то, как он распоряжался своим богатством, не встречало порицания), мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы. Более того, религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни. Аскеза создавала и спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же как и предназначение к спасению лишь немногих, - дело божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные, нам не известные цели. Уже Кальвину принадлежит часто цитируемое впоследствии

изречение, что "народ" (то есть рабочие и ремесленники) послушен воле Божьей лишь до той поры, пока он беден. Нидерландцы (Питер де ля Кур и др.) "секуляризировали" это положение следующим образом: люди в своем большинстве работают лишь тогда, когда их заставляет нужда. Сформулированный таким образом лейтмотив капиталистического хозяйства вошел затем в теорию "производительности" низкой заработной платы в качестве одного из ее компонентов. И здесь в полном соответствии с той эволюцией, которую мы нередко обнаруживали, идее по мере отмирания ее религиозных корней был незаметно придан утилитарный оттенок. Средневековая этика не только допускала нищенство, но даже возвела его в идеал в нищенствующих орденах. И в миру нищие подчас определялись как некое "сословие", значение которого заключается в том, что оно создает для имущих благоприятную возможность творить добрые дела, подавая милостыню. Еще англиканская социальная этика эпохи Стюартов была внутренне очень близка к этой точке зрения. И лишь пуританская аскеза сыграла известную роль в том жестком английском законодательстве о бедных, которое полностью преобразовало сложившееся положение дел: И она сделала это с тем большей легкостью, что протестантские секты и строго пуританские общины, действительно не знали нищенства в ее среде.

С другой стороны, если мы обратимся к рабочим, то в цинцендорфовской разновидности пиетизма, например, идеалом служит верный профессиональному долгу рабочий, который не стремится к наживе, — именно он уподобляется в своей жизни апостолам и, следовательно, обладает харизмой учеников Христа. Еще более радикальными были сначала подобные воззрения в баптистских кругах. И конечно, аскетическая литература почти всех вероисповеданий исходит из представления, что добросовестная работа, даже при низкой ее оплате, выполняемая теми, кому жизнь не предоставила иных возможностей, является делом, чрезвычайно угодным Богу. В этом отношении протестантская аскеза сама по себе не создала ничего нового. Однако она не только бесконечно углубила это представление, но и присоединила к существующей норме то, что, собственно говоря, только и определяло силу ее воздействия, психологический импульс, который возникал в результате отношения к своей работе как к призванию, как к самому верному, и конечном итоге единственному, средству увериться в своем избранничестве. Вместе с тем аскеза легализовала также эксплуатацию этой специфической склонности к труду, объявив "призванием" и стремление приобретателя к наживе. Совершенно очевидно, в какой сильной степени устремленность включительно к тому, чтобы обрести спасение в загробной жизни посредством выполнения своих профессиональных обязанностей в качестве своего призвания, и строгая аскеза, которой церковь подчиняла в первую очередь, конечно, неимущие классы, способствовали увеличению "производительности" труда в капиталистическом значении этого понятия. Отношение к труду как к призванию стало для современного рабочего столь же характерным, как и аналогичное отношение предпринимателя к наживе. Столь пронизательный англиканский наблюдатель, как сэр Уильям Петти, отразил эту новую для того времени ситуацию в своем указании на то, что экономическая мощь Голландии XVII в. объясняется наличием там многочисленных "dissenters" (кальвинистов и баптистов) людей, которые видят "в труде и интенсивном предпринимательстве свой долг перед Богом". "Органическому" социальному устройству в том фискально-монополистическом его варианте, который оно получило в

англиканстве при Стюартах, в частности в концепции Уильяма Лода, — этому союзу церкви и государства с "монополистами" на почв христианского социализма — пуританизм, все сторонники которого были решительными противниками такого пользовавшегося государственными привилегиями капитализма торговцев, скупщиков и колониалистов, противопоставляя индивидуалистические импульсы рационального легального предпринимательства, основанного на личных качествах, и инициативе. И если пользовавшаяся государственными привилегиями монополистическая промышленность Англии скоро пришла в упадок, то рациональное предпринимательство пуритан сыграло решающую роль в развитии тех промышленных отраслей, которые возникали без какой-либо поддержки со стороны государства, а подчас и несмотря на недовольство властей и вопреки ему. Пуритане (Принн, Паркер) решительно отказывались от сотрудничества с "придворными прожектерами" крупнокапиталистического типа, считая, что они вызывают сомнения в этическом отношении. Пуритане гордились превосходством своей буржуазной морали и деловых качеств, усматривая в них подлинную причину тех преследований, которым они подвергались со стороны придворных кругов. Уже Даниэль Дефо предлагал прибегнуть в борьбе с диссентерами к бойкоту банковских векселей и к денонсации вкладов. Противоположность этих двух видов капиталистической деятельности во многом соответствует различиям религиозных учений их представителей. Нонконформисты еще в XVIII и постоянно подвергались издевательствам за то, что они являли собой носителей "spirit of shopkeepers", и преследовались за искажение идеалов старой Англии. В этом коренилась и противоположность между пуританским и еврейским хозяйственным этосом — уже современникам (Принн) было ясно, что первый, а не второй был буржуазным хозяйственным этосом.

Один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, — рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания — возник (и настоящая работа посвящена доказательству этого) из духа христианской аскезы. Достаточно вспомнить приведенный в начале нашего исследования трактат Франклина, чтобы обнаружить, насколько существенные элементы того образа мыслей, который мы определили как "дух капитализма", соответствуют тому, что (мы показали это выше) составляет содержание пуританской профессиональной аскезы, только без ее религиозного обоснования — ко времени Франклина оно уже отмерло. Впрочем, мысль, что современная профессиональная деятельность носит отпечаток аскетизма, сама по себе не нова. Что ограничение человеческой деятельности рамками профессии вместе с отказом от фаустовской многосторонности (который, естественно, вытекает из этого ограничения) является в современном мире обязательной предпосылкой плодотворного труда, что, следовательно, "дело" и "отречение" в настоящее время взаимосвязаны — этот основной аскетический мотив буржуазного стиля жизни (при условии, что речь идет именно о стиле, а не об отсутствии его) хотел довести до нашего сознания уже Гете на вершине своей жизненной мудрости, о чем свидетельствуют его "Годы странствий" и то, как он завершил жизненный путь Фауста. Для Гёте осознание этого факта означало отречение и прощание с эпохой гармоничного, прекрасного человека, с эпохой, повторение которой для нашей культуры столь же невозможно, как для древности невозможен был возврат к эпохе расцвета афинской демократии. Пуританин хотел быть

профессионалом, мы должны быть таковыми. Но по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения. И это принуждение сохранится, вероятно, до той поры, пока не прогорит последний центнер горючего. По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем "тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить". Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь. По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы — кто знает, навсегда ли? — ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. В тех случаях, когда "выполнение профессионального долга" не может быть непосредственно соотнесено с высшими духовными ценностями или, наоборот, когда оно субъективно не ощущается как непосредственное экономическое принуждение, современный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия. В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к "последним людям" этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: "Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы - и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития".

Однако тем самым мы вторгаемся в область оценочных и религиозных суждений, которые не должны отягощать это чисто историческое исследование. Наша задача сводится к следующему: показать значение аскетического рационализма (лишь намеченное в предыдущем очерке) и для социально-политической этики, следовательно, для организации и функций, социальных сообществ — от религиозных собраний до государства. Далее мы предполагали исследовать отношение аскетического рационализма к рационализму гуманистическому, его жизненным идеалам и культурным влияниям. Затем — к развитию философского и научного эмпиризма, к развитию техники и духовных ценностей культуры. И наконец, следовало бы проследить, историческое становление аскетического рационализма, начиная от его средневековых

истоков до его преобразования в чистый утилитаризм во всех областях распространения аскетической религиозности. Только таким путем можно было бы установить степень культурного значения аскетического протестантизма в его отношении к другим пластическим элементам современной культуры. Здесь же мы лишь попытались свести влияние аскетического протестантизма и характер этого влияния к их мотивам в одном, хотя и немаловажном пункте. Далее следовало бы также установить, в какой степени протестантская аскеза в процессе своего становления и формирования в свою очередь подвергалась воздействию со стороны всей совокупности общественных и культурных факторов, прежде всего экономических. Ибо несмотря на то, что современный человек при всем желании обычно неспособен представить себе всю степень того влияния, которое религиозные идеи оказывали на образ жизни людей, их культуру и национальный характер, это, конечно, отнюдь не означает, что мы намерены заменить одностороннюю "материалистическую" интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Та и другая допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования.

М. Вебер

ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. От разговора о политике как призвании и профессии вы произвольно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам. Но об этом мы скажем лишь под конец, чисто формально, в связи с определенными вопросами, относящимися к значению политической деятельности во всем ведении жизни (*Lebensführung*). Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, какую политику следует проводить, какое, таким образом, содержание следует придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни государством:

Но что есть "политический" союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть "государство"? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть

исключительно, присуща тем союзам, которые называют “политическими”, то есть в наши дни — государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия. “Всякое государство основано на насилии”, говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие “государства”, тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать “анархией”. Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (innerlich). В прошлом различным союзам—начиная с рода — физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — “область” включается в признак! — претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что правона физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником “права” на насилие считается государство.

Итак, “политика”, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это “политический” вопрос, о министре или чиновнике: это “политический” чиновник, о некотором решении: оно “политически” обусловлено, — то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради нее самой”, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.”

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет “вечно вчерашнего”: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, —

“традиционное” господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnandengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального установления (Satzunfg) и деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в каком его осуществляют современный “государственный служащий” и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении.

Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды — страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана “легитимность” такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее “чистыми” типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам “общего учения о государстве”.

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной “харизме” “вождя”. Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога и народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам “вождь” живет своим делом, “жаждет свершить свой труд”, если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является политический вождизм в образе сначала свободного “демагога”, существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем — в образе парламентского “партийного вождя”, выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их “призвания” в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их

распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие (Herrschaftsbetrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, — посредством этого подчинения — в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre). Гены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалованье современных государственных служащих, рыцарская честь (Ritterehre), сословные привилегии, престиж чиновников (Beamtenehre) образуют вознаграждение, а страх потерять их — последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству харизматического вождя: военные почести (Kriegsehre) и добыча военной дружины, “spoils”: эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

Совершенно так же, как и на хозяйственном предприятии, для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб — чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, — является самостоятельным собственником средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления “отделен” от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия “отделены” от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет самостоятельно и за свой счет организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владельцы) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

Политический союз, в котором материальные средства управления полностью или частично подчинены произволу зависимого штаба управления, мы будем называть “сословие” (“standisch”) расчлененным союзом. Например, вассал в вассальном союзе покрывал расходы на управление и правосудие в округе, пожалованном ему в лен, из

собственного кармана, сам экипировался и обеспечивал себя провиантом в случае войны; его вассалы делали то же самое. Это, естественно, имело последствия для могущества сеньора (Негг), которое покоилось лишь на союзе личной верности и на том, что обладание леном и социальная честь (Ehre) вассала вели свою “легитимность” от сеньора.

Но всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина (Негг): через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов со своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в “сословном” союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной “аристократии”, то есть разделяет с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев — неимущие, лишённые собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных “частных” носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном “государстве” полностью реализовано (и это существенно для его понятия) “отделение” штаба управления — управляющих чиновников и работников управления — от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наивысшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место поставленного (gesetzt) начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность — все равно, с каким правом, — из воли тех, кто находится под господством. Другое дело, насколько тут оправданна надежда осуществить на основе этого успеха — по меньшей мере кажущегося — также и

экспроприацию внутри капиталистических хозяйственных предприятий, руководство которыми, в сущности, несмотря на далеко идущие аналогии, следует совершенно иным законам, чем политическое управление. Но от оценок этого вопроса мы сегодня воздержимся. Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто понятийный: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории “профессиональных политиков” во втором смысле, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили на службу политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что лишь на Западе мы находим этот род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. В прошлом они были их важнейшим инструментом для исполнения власти и осуществления политической экспроприации.

Прежде чем заняться рассмотрением таких “профессиональных политиков” более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься “политикой” — то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них — как в качестве политика “по случаю”, так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками “по случаю” являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на “политическом” собрании, произносим “политическую” речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками “по совместительству” являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным “делом жизни” ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые “работают” на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. “Сословиями” мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека оттого, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь

политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого специально требовали их господин или другие члены сословия. Аналогичным образом вела себя и часть вспомогательных сил, привлекаемых князем в борьбе за создание собственного политического предприятия, которое должно было находиться в его распоряжении. Это было характерно для “домашних советников” и, еще раньше, для значительной части советников, собирающихся в “курии” и других совещательных органах князя. Но, конечно, князь не обходился этими вспомогательными силами, действовавшими лишь по случаю и по совместительству. Он должен был попытаться создать себе штаб вспомогательных сил, полностью и исключительно избравших как основную профессию службу у князя. От того, откуда он брал их, существенным образом зависела структура возникающего династического политического образования, и не только она, но и все своеобразие соответствующей культуры. Перед той же необходимостью оказались тем более политические союзы, которые при полном устранении или значительном ограничении власти князей политически конституировались в качестве (так называемых) “свободных” сообществ (Gemeinwesen) — “свободных” не в смысле свободы от насильственного господства, но в смысле отсутствия насилия, легитимного в силу традиции (по большей части религиозно освященной), со стороны князя как исключительного источника всякого авторитета. Исторической родиной таких союзов является только Запад, а зачатком их был город как политический союз, как таковой появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья. Как выглядели во всех этих случаях “преимущественно-профессиональные” (“hauptberuflichen”) политики?

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить “для” политики, либо жить “за счет” политики и “политикой” (“von” der Politik). Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет “для” политики, в каком-то внутреннем смысле творит “свою жизнь из этого” — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит “делу” (“Sache”), и тем самым придает смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны — экономической. “За счет” политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода, “для” политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить “для” политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего нестоящих принудительных средств платежа — что, в сущности,

одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет “для” политики, должен быть к тому же хозяйственно “обходим”, то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно “обходим” в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени — а в античности и в средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, — будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни — на что следует обратить особое внимание — предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле “обходимыми”. Ибо и предприниматель, и именно предприниматель, — промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства — привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно можно заместить, например, врача, и чем более талантливый и занятым он является, тем реже возможна замена. Легче уже заменить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает “плутократическое” рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы отсутствие у политически господствующего слоя стремления также жить и политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно “о деле”. Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека забота об экономической “безопасности” своего существования эмпирически является — осознанно или неосознанно кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к внеобыденным, то есть революционным, эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей (Interessenten), вождей (Fuhrerschaft) и свиты (Gefolgschaft) связано с само собой

разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики, руководить политикой можно либо в порядке “почетной деятельности”, и тогда ею занимаются, как обычно говорят, “независимые”, то есть состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым “пребэндариумом” (“Pfrunder”) или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (Leistungen) — чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер “предпринимателя”, как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли, пребенды всякого рода, а с развитием денежного хозяйства и особенности места, связанные со взиманием сборов (Sportelpfunden), были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. В Германии все противоборство партикуляристских и централистских устремлений закручено прежде всего и вокруг вопроса, какая из сил — берлинцы ли или же мюнхенцы, карлсруэсцы, дрезденцы — будет иметь патронаж над должностями. Ущемления в распределении должностей воспринимаются партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям. Во Франции смена префекта, имеющая партийно-политический характер, всегда считалась большим переворотом и возбуждала больше шума, чем какая-нибудь модификация правительственной программы, имевшая почти исключительно фразеологическое значение. Со времени исчезновения старых противоположностей и истолковании конституции многие партии (именно так обстоит дело в Америке) превратились в настоящие партии охотников за местами, меняющие свою содержательную программу в зависимости от возможностей улова голосов. В Испании вплоть до последних лет две крупные партии сменяли друг друга в конвенционально закрепленной очередности в форме сфабрикованных свыше “выборов”, чтобы обеспечить должностями своих сторонников. В регионах испанских колониальных владений как при так называемых “выборах”, так и при так называемых “революциях” речь всегда идет о государственной кормушке, которой намерены воспользоваться победители. В Швейцарии партии мирно распределяют между собой должности путем пропорциональных выборов, и многие из наших “революционных” проектов конституции, например первый проект, предложенный для Бадена, имели целью распространить ту же систему и на министерские посты, то есть рассматривали государство и должности в нем именно как учреждение по обеспечению доходными местами. Этим прежде всего вдохновлялась партия центра и даже провозгласила пунктом своей программы в Бадене пропорциональное распределение должностей

сообразно конфессиям, то есть невзирая на успех. Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически гарантированного обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий, и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (*Arbeiterschaft*), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Дилетантское управление делящих добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч чиновников — вплоть до почтальонов — в зависимости от исхода президентских выборов и не знало пожизненных профессиональных чиновников, давно нарушено *Civil Service Reform*. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий — государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими финансами. По управленческим реформам императора Макса можно видеть, с каким трудом даже под давлением крайней нужды и турецкого господства чиновникам удавалось экспроприировать [власть] князя в той сфере, которая меньше всего способна была терпеть произвол господина, все еще остававшегося прежде всего рыцарем. Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства — вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия (*Selbstherrschaft*) профессиональному чиновничеству, благодаря которому только и стала для князя возможной победа над сословиями.

Одновременно с подъемом вышколенного чиновничества возникали также — хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов — “руководящие политики”. Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру “великого визиря”. На Западе, прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V — эпоху Макиавелли — впервые становилась сознательно практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвященных, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в Китае в последнюю эпоху существования гам отдельных государств. Необходимость формально единого ведения всей политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно

сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли коллегиальные высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными “кабинетом” — и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета — или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, — благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть — как это в особенности имело место в Германии, — интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества в противоположность парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она — как в Англии — пересиливала монарха. Здесь получил развитие “кабинет” во главе с единым парламентским вождем, “лидером”, как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силой — партии, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы — партии — и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, — в ответственном за все решения вожде — главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние

демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Превращение политики в “предприятие”, которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fachbeamte), с другой — “политические” чиновники.